

Евгений
Андрей

КРАСНИЦКИЙ
ПОСНЯКОВ

СОТНИК

В ответе за всех

Отрок

Андрей Посняков

Сотник. В ответе за всех

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Сотник. В ответе за всех / А. А. Посняков — «Издательство АСТ», 2022 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-149251-9

Прошло два года после сражения Михайлы с ляхами, после появления в Ратном Тимки Кузнечика. Юный сотник вырос и возмужал – выросли и проблемы, как личные, так и общие. Что с урожаем? Чем кормить людей? Как избавиться от угрозы неотвратимого, быстро подбирающегося голода, вот-вот готового схватить за горло каждого! Еще одна напасть – в окрестностях Ратного стали находить трупы. К кому приведут следы? Неужто на выручку придется плыть в далекий Царьград? А ведь и придется, если надо, поскольку Миша Лисовин (наш современник Михаил Ратников) не простой юноша, а сотник, боярич, человек, который в ответе за всех! Кому верить, как жить, если ты – власть, если именно на тебя – надеются. Придется решать все вопросы, и каждое решение приведет к проблемам другим, еще более серьезным и мрачным...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149251-9

© Посняков А. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Красницкий, Андрей Посняков

Сотник. В ответе за всех

© Евгений Красницкий, 2022

© Андрей Посняков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

ЦИКЛ Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника
Бешеный лис
Покоренная сила
Перелом
Ближний круг
Женское оружие
Стезя и место
Бабы строим не воют
Богам – божье, людям – людское

СОТНИК

Беру все на себя
Уроки Великой Волхвы
Так не строят!
Позиционные игры
Не по чину Кузнечик
В ответе за всех

Глава 1

Турово-Пинское княжество. Село Ратное. Лето 1127 г.

Ах, как же здорово пробежаться босиком по траве! Высокой, в пояс. Пройтись по тропинке, по заливному лугу, спуститься к реке... окунуться, нырнуть... В такую-то жару – лепо, ах, лепо! Жаль вот только некогда. Старуха Брячислава строго-настрого наказывала к полудню вернуться. Надо было пойти ворошить лен, потом еще натаскать воды в дом и в баню, покормить гусей да уток, да сбегать на межполье – глянуть, как там пастушонок Вячко с овцами управляется. Может, разбежались они там у него давно, или волки утащили.

Подумав так, Горислава замедлила шаг и резко тряхнула головой, так, что косы ее взметнулись, ударили будто хлыстами по плечам.

Нет, не должны бы волки! На то у Вячко пес есть – Гробой. Гробой – умный. Если что не так, давно бы поднял лай – тут и мужики бы с полей прибежали. Да и Михайлов городок – рядом. А там – младшая стража, отроки. Да и Гробой – здоровенный такой псинище, потомок знаменитого на все село Чифа. Черный, с подпалинами рыжими, а уж клыки-и-и! Вячко, правда, глуповат, да и маловат еще – едва девятый год пошел.

Зато отроки младшей стражи хоть куда, оружные, к бою умелые. И боярич Михаил с ними – сотник молодой. Многим девкам Мишаня глянулся, а вот Гориславе, Горьке – не особо как-то. Смурной он какой-то, Миша-Михайла-Михаил, да весь всегда в заботах, в трудах. С родичем своим недавним, Тимкой Кузнечиком, все шушукуются – а о чем, бог весть. Да Тимка такой же – себе на уме... Так и Миша. Виданное ли дело – молодой-то парень, что недавно шестнадцатое лето разменял?! Ему бы по девкам да в игрищах... Однако же положение не позволяет – сотник, боярич, золотая гривна на груди – от самого князя Туровского! Да и есть у него зазнобушка – лекарка Иулия, в просторечии Юлька. Русая, худая – на что и смотреть-то? То ли дело она – Горислава Путятична! Ну и что с того, что сирота – многие в недавнюю пору от лихоманки сгинули, многие. В Нинеиной веси вон, почти что все... Пара деревень только и осталась, да и те... Вот и родители Гориславы – тоже от лихоманки «сгорели». Саму Горьку взяли на воспитание родичи – семейство бедовой вдовицы Брячиславы, – всегда так и было. Уж не оставили, все в Ратном – родня. А невест ратнинские парни завсегда в соседних деревнях высматривали, не в своей – так веками повелось, так положено было. Вот из одной такой деревни – Василькова, что меж Нинеиной весью и землями смурного боярина Журавля

– и возвращалась сейчас Горислава. Ходила проведать родичей, заодно – подарки от старой Брячиславы занести да пригласить по осени в гости.

Ох, хитра Брячислава-вдовица, не смотри что старая – лет сорок уже, – а себя в порядке держит. Да не только себя, все семейство! Муж ее Велимир погиб лет с десятков назад, там, на поле брани и схоронили. А Брячислава вот осталась... Все семейство под ней, и семейство немалое. Ум у старухи востер, а рука тяжелая! Сколько раз Брячислава Горьку лупила, таскала за косы – уму-разуму беспутную девку учила! Ну да, беспутную – что уж тут говорить. Где бы промолчать – так Горька съязвит, где бы потупить очи скромно – так наоборот, глянет нагло, с вызовом. В играх ли, в работе – никому спуску не даст! Ни на какие заслуги не смотрит. Говорят – вся в отца...

Эх-х... Подняла девушка голову да, прикрыв от солнца глаза, глянула в небо. Прикинула – далеко полдень аль нет? Солнышко-то – эвон, от старой сосны слева. Значит, еще до полудня... Ну, не то чтобы очень, но время какое-то есть. Выкупаться можно! А что – потной сразу за все дела хвататься? В этакую-то жарень? Накось, выкусите!

Представив грозное лицо Брячиславы и ее тяжелую руку, Горька было заколебалась... Но тут же, плюнув, побежала по кособору к реке. Босиком, по траве, по цветам – нет, ничьих тут покосов нет, на кособоре-то – неудобье. Вот и чернотал, вот и заросли ивы – и отмель, а невдалеке – омут. Тут – любимое Горькино место! С детства раннего. Местечко укромное. Песочек мелкий, горячий. Волны речные на плесе бьются, стекают... Камыши, рогоз. На кособоре – видимо-невидимо разных цветов. Яркие солнечно-желтые ромашки, золотистые лютики, синие васильки, фиалки лиловые... Ну, до чего же красиво, лепо! И хорошо как. Как бы покойный батюшка, отец Михаил, сказал: благостно. Прямо петь хочется!

– Ой, Ярило, Ярило-о-о!

Венок можно сплести...

Да уж, с теткой Брячиславой сплетешь, пожалуй! Нет, сплести-то можно, только вот у деревни лучше выбросить. Не то этим же венком по лицу и получишь! «Чтоб дурью не маялась и дела все делала в срок!» Да уж... У Брячиславы не забалуешь, лучше уж попросить боярыню Анну Павловну (самого Михайлы-сотника матушку), чтоб по осени – в девичий десяток, в Михайловский городок. Да! Допрежь того у наставницы Арины заручиться нужно. Девочек там и грамоте учат, и рукоделью всякому, и этим... «хорошим манерам и политесу» – так Миша-сотник говаривал.

Ну, это по осени... А сейчас? Все же выкупаться, что ли?

Бросив недоплетенный венок, Горька улыбнулась и быстро сняла рубаху – длинную, праздничную, выкрашенную дубовой корою в приятный глазу желтовато-коричневый цвет. Конечно же с вышивкой. По вороту, по подолу, по рукавам. Как же без вышивки-то? Это же издревле повелось – оберег от всякой нечистой силы. Узоры все эти, уточки, цветы – Горислава сама вышивала, кто же еще?

Ай! Забыла совсем про кольца височные. Рубашку-тунику снимала – едва не потеряла в траве. Одно упало – ага. Вот оно, вот. Три круглые узорчатые бусинки – между прочим, серебро! – вместе в одно целое. Кто в ушах носил, кто к волосам заколкой цеплял, кто лентой. У всякого племени кольца височные свои, наособицу. У дреговичей, вот – три бусинки, а у иных – лепестками. Хорошие кольца, красивые, такие Тимка Кузнечик (наставник Тимофей!) вместе с Кузьмой Лавровичем на приданое девам делали...

Ладно!

Аккуратно сложив платье-рубаху, девушка потянулась и стянула нижнюю сорочку тонкой льняной ткани – не из шелка, увы.

Косы расплела, вошла в воду... Встала, глянула на свое отражение, погладила сама себя по бокам... Ай, красива – ведь правда же! Тонкий стан, ноги длинные, а бедра... да и грудь уже

тута! Тонкий нос, чуть припухлые губки, ресницы пушистые, черна бровь. Волосы – чистое золото, а в глазах – глубокая весенняя синь.

Сколько ей было лет, Горислава точно не знала – никто ведь особо-то не считал. Но первую женскую кровь два лета назад уронила и с тех пор частенько ощущала внизу живота жаркое – и приятное такое! – томление. И на парней стала смотреть по-другому. Уже их почти что не била. Ну, не всех.

Замуж тебе, девка, пора! Или... или все же поначалу – в девичий десяток? Да туда-то давно бы можно... кто бы только пустил!

Да и замуж... уж пора, чего ж. Правда, тетка Брячислава не очень-то того хочет. Невыгодно ей работницу добрую в чужую семью отпускать. Невыгодно, а придется! Рано или поздно – придется. Не будешь же племянницу вечно в девках держать. Это же против обычаев, против рода. Да и не холопка Горька, не раба, слава богу... Интересно, куда замуж отдадут? По обычаю – в соседнее селенье надо. Или в земли боярина Журавля. А лучше бы – в город!

Усмехнулась девчонка, фыркнула – помечтай, помечтай.

Сделав пару шагов, нырнула, поплыла... Ах, лепото как, лепо! Вот бы с кем-нибудь – наперегонки! Впрочем, и одной не худо. Сейчас выкупаться – и на косогор. Прямо так, голенькой. Посидеть, полежать в высокой траве, подставив ласковому солнышку плечи, обсохнуть, посмотреть на проплывающие мимо ладьи. На свои, русские, и на греческие моноксилы. О дальних странах помечтать – ой, про них много чего вечерами на беседах рассказывали! О Царьграде, о Киеве, о Новгороде и странах полуночных, варяжских. Даже не верится, что где-то такие есть! Где она, Горислава, за всю свою жизнь и была-то? Как и все девы, кроме соседних деревень – нигде больше. Ну, в Турове на ярмарке один раз. Ох уж там впечатлений! Почитай – на всю жизнь.

Ну, все! Пора вылезать, а то тетка и вправду прибьет, с нее станется!

Горька поднялась на отмели и не торопясь зашагала к берегу. По пояс вода... по колено... по щиколотку...

– Какая же вы красивая! Ну, просто вылитая Афродита. Доброго дня!

Чу! Это еще кто такой? Вышел из-за кустов, глаза бесстыжие пялит!

Девушка мигом прикрыла руками лоно и грудь:

– А ну-ка, не пялся! А то как счас врежу – мало не покажется.

– Ой... Прошу прощения, высокородная госпожа... Я вот случайно шел мимо и вот невольно залюбовался... Прошу простить...

Приложив руку к сердцу, незнакомец поклонился и, поспешно повернувшись, отошел в сторону...

– Вот... так-то лучше будет.

А ведь красивый парень! И богат – видно, что богат. Вон, как одет – длинная греческая туника из лиловой бархатной ткани златом-серебром заткана, вставки шелковые голубые небесами сияют. Пояс – золочен, на пальцах – перстни. Вот только обувь, пожалуй что, выделялась из образа. Отнюдь не царь-градские сафьяновые сапожки, а... остроносые какие-то, потертые... бедноватые.

Одеваясь, Горислава все рассмотреть успела. Как и все бы в те времена.

Вообще-то, чужаков боялись – мало ли кто? Может, вражина или лазутчик вражеский? Да и так – чужой, непонятно, какого роду-племени. Что от таких хорошего ждать? Боялись... Даже странников иногда убивали – от греха подальше, так, на всякий случай.

Однако в Ратном уже бояться немножко отвыкли. Знали – младшая стража есть! Везде дозоры, никто незамеченным не пройдет, никакой чужак. Да и соседи-«лешаки» – лесные стражники Журавля, что все в лоскутьях ходили – ежели что, помогут. Правда, не так давно случились с набегом ляхи... Так и все равно – о них стража предупредила заранее! Нет, никто

незамеченным не пройдет, не объявится... А этот, верно, с ладьи греческой... Они тут проплывают во множестве.

– Вы оделись, юная госпожа? Могу я повернуться?

– Ну... да...

Горислава одернула рубаху и хмыкнула – ишь, как он к ней! «Госпожа»!

Незнакомец немедленно повернулся, но близко не подходил, просто смотрел, улыбаясь. Ничуть не страшный – наоборот. По виду, не намного старше Горьки. Смуглявый. Волосы длинные, черные, лицо худое. Тонкий породистый нос, бритые до синевы щеки. А глаза! А ресницы, а брови! Красив грек, что и сказать...

– Прошу простить меня за беспокойство, юная госпожа. Меня зовут Мануил Ларгис, я купец из славного града Константинополя! Ты про такой, верно, слыхала?

– Про Царьград-то? Да кто же не слыхал!

– Наш моноксил... корабль... здесь, неподалеку. Тут где-то есть родник? Хотелось бы набрать живой водицы. Немного – пару кувшинов. В реке какая-то теплая...

Как же этот чертов грек улыбался! Как смотрел... с таким восхищением, что... Если бы кто из своих так посмотрел... Да уж, вообще-то он – миленький!

– Родник, да – вон там. Где корявая сосна, левее...

– Благодарю, юная госпожа! Вы – как солнце.

Ну уж, как солнце... А вообще-то – да, приятно! Никто еще Гориславу с солнышком животворящим не сравнивал. Все больше по-другому кликали – Горька, да – пуще того – Горе луковое! А тут – солнце...

Улыбнулся грек. Подмигнул даже. Лукаво так подмигнул. Только не Горьке. Кому-то... Кто уже стоял за ней!

Эх, поздно спохватилась девчонка! Куда там – бежать! Оглянуться не успела, как набросили ей на голову пыльный грязный мешок! Набросили, потащили... Не вырвешься, нет...

В Михайлове городке, обителище младшей стражи и ее знаменитого сотника, боярича Михаила, с утра все шло своим чередом. Как и день назад, и неделя, и месяц, и даже год. Отроки младшей стражи тренировались, изучая воинское дело, по расписанию проводилась смена дежурных десятков.

Сам же Михаил-сотник нынче занялся деломпроизводством. Следовало точно рассчитать необходимое количество продовольствия для всего отряда – на осень и – далее – на зиму. А с этим нынче было туго – ожидался неурожай. Весна выдалась затяжной, холодной, а лето – знойным, почти без дождей. Вот и...

Всем этим Михайла занимался не один, а вместе со специально приставленным к счетному делу человеком – Ильей. Ранее Илья вместе со всей своей бюрократией занимал пристройку к складу, а вот с недавних пор по задумке сотника выстроили целую управленческую резиденцию. Просторное дворище, сени, еще и прихожая – да. Начальник строительства – Сучок – заявил, что месторасположение власти одним своим видом должно вызывать уважение и трепет! Вот так и выстроил. Хоромы вышли – ничуть не хуже боярских!

Старшина плотницкой артели Кондратий Епифанович по прозвищу Сучок был мастером от бога. Он не только прекрасно «чувствовал дерево» и имел богатейший практический опыт, но и хорошо знал основы геометрии, умел работать с циркулем и угольником, держал в голове рецепты клеев и лаков.

Так вот этот самый мастер, вместе с помощником, родным своим племянником Питиримом (в просторечии – Пимкой или просто – Швырком) и выстроили здания для управления в Михайловом городке, а по сути – на выселках, в воинском лагере младшей стражи. Собственно, так выселки и прозвали, в те, не столь уж и далекие времена, когда парень еще не был сотником, однако уже имел невиданный для подростка авторитет. Нынче же, с Мишиной

подачи, считалось, что «сей малый городок назван в честь тезоименитства духовного пастыря нашего иеромонаха Михаила, в успении вошедшего в сонм праведников, стоящих пред Горним Престолом».

Само здание «хором» было прекрасно приспособлено для управления. Чтобы можно было совет созвать, пир устроить, да еще было где писарей посадить, и казну держать, и с возвышенного места приказы объявлять. С крыльца. Почти что княжеского. Так ведь и задумано было – на крыльце сразу видно бывает, кто из бояр к князю ближе, а кто дальше. Когда князь по каким-то торжественным случаям на крыльце восседает, то бояре на ступенях стоят – ближние повыше, остальные пониже.

В хороминных сенях устроили большие окна, не только для света, но и для воздуха, иначе на пиру так надышат, что в волоковые окошки этакий дух не пролезет! На ночь и в непогоду окна закрывались ставнями – продумали и это.

Село Ратное – можно сказать, здешняя столица, столица всего Погорынья, земель по Горыни-реке – располагалось неподалеку и называлось так со времен киевского князя Ярослава, варягами прозванного Скупым, иными же – Мудрым. Именно по его велению сюда, на границу древлянских и дреговических земель, определили на жительство сотню княжеских воинов с семьями, обязанных по первому призыву сюзерена – князя Киевского, а позже Туровского – выступить в воинский поход. До того же – учиться ратному делу и иметь все для того необходимое – оружие, лошадей и прочее.

Таким образом, село Ратное было богато и многолюдно, поскольку по княжьей пожалованной грамоте не платило никаких податей, рассчитываясь с князем за землю и привилегии воинской службой, совсем как европейские рыцари. Кроме пожалованных князем земель еще имелись угодья, захваченные по праву сильного у местных, почти что язычников. Ох, мутили волхвы водицу, мутили! Да еще как. Какая там «христианская Русь»?

Почти половина домов в Ратном топилась по-черному, совсем же старые и вообще представляли собой полуземлянки, почти на треть заглубленные в землю, так что при входе приходилось не подниматься на крыльцо, а спускаться вниз. Окошки в домах служили скорее для вентиляции, чем для освещения, и либо затягивались бычьим пузырем, либо просто задвигались дощечкой.

Население, как и во многих местах, знало грамоту: неумение читать и писать считалось изъясном, и весьма существенным. Сюда же, в Михайловский городок, Михаил сманил самых, по его мнению, умных, к неудовольствию старосты и старого сотника, собственного деда Корнея Агеича Лисовина. Род Ли-совиных, к слову, имел отношение к Рюриковичам, вот так-то!

– Так что, Илья, говоришь? Совсем плохо с хлебушком будет? – Михаила отложил в сторону счеты.

– Ну-у... Совсем, не совсем... А думаю, эту зиму поголодаем. А там, как Бог даст!

– «Поголодаем»... Несподручно нам голодать-то!

Передразнив писца, Михаил вышел из-за стола и задумчиво заходил по горнице, точнее сказать – по сеням или даже по гостиной, что ли. Выскобленные до белизны доски пола покрывал четырехугольный светло-серый войлок с красными узорами. Бревна сруба скрывали гладко струганные доски светлого дерева, дощатый потолок был тщательно выбелен, правда, местами прокоптился уже от свечей, однако все равно в парадных сенях было непривычно светло.

Посередине, прямо на войлоке, стоял длинный стол, накрытый белой льняной скатертью, а вокруг стола – двенадцать резных полукресел из ясеня и граба. На стеллажах виднелась парадная, раскрашенная «под хохлому», посуда.

На столе, между двумя пятисвечниками, имелся поднос, тоже раскрашенный под хохлому, на котором стоял кувшин с квасом и лежал небольшой ковшик. Все это придавало горнице яркий, праздничный вид, а отсутствие стоящих вдоль стен лавок и сундуков добавляло простора... чем Миша сейчас и пользовался: ходил вот, соображал, думал.

Что же было делать с надвигающимся неурожаем и голодом? Что?

– Илья, в старину-то что делали?

– А ничего, господин сотник. Ложились да помирали. Бог дал – Бог взял. Против воли Господа не попрешь.

– Не попрешь... А надо бы попереть-то!

Пока что ничего не придумывалось и никаких умных мыслей в голову не лезло. Злясь, Миша по своей давней привычке морщил и приподнимал верхнюю губу, скалился, словно пес.

Вообще, Михаил заматерел в последнее время, прибавил в мускулах и весе и выглядел старше своих шестнадцати лет. О, теперь он уже не был тем белоголовым тонкошеим отроком, что еще года три назад. Доставшиеся от матери зеленые глаза смотрели жестко, цепко, создавая образ весьма недоверчивого и хмурого парня, чему способствовал и раздвоенный ямочкой упрямый подбородок, как у покойного отца. Губы, правда, еще остались почти что детскими, пухлыми, зато растительность на лице полезла уже давно. Светлая небольшая борода, усы... мозоли на нижней челюсти, натертые подбородочным ремнем из-за постоянного ношения шлема. И еще мозоли, набитые упражнениями на костяшках пальцев. Вечные синяки и царапины, постоянный, несмотря на ежедневные купания, запах пота, вьевавшийся в войлочный поддоспешник...

Да уж! Ромейскую тунику, что ли, купить? Дорогущую, сшитую тяжелым золотом. Чтоб все видели – власть! Как-никак – сотник. Почти что барон или граф. Впрочем, не надо туники, вполне можно шелковым плащом обойтись... и посеребрянной кольчужницей.

Снаружи вдруг послышались гулкие молодые голоса и топот. Все правильно – сменилась дозорная стража. Теперь шли с докладом. Ввалились уже...

– Господине сотник! Разрешите доложить? За время несения... ничего худого не замечено... Все, как обычно...

Выслушав, Миша махнул рукой:

– Ступайте отдыхать...

Сказал и вдруг услышал стук копыт! Кто-то въехал прямо во двор... Спешил, похоже.

Писец тоже заволновался, оторвался от кипы бересты:

– Это кто же еще?

Михаил усмехнулся – узнал уж и по шагам – кто! Старый сотник и родной дед, местный боярин – Корней Агеич!

Вона как шел... далеко слышать. Еще бы – одна-то нога деревянная! Свою в бою потерял. Вошел. Глянул недобро. Выругался... Писцы под стол спрятались.

Корней Агеич из рода Петра Лисовина. Матерый муж с проглядывающими сквозь густую седину русыми волосами и коротко стриженной бородой, пронзительно-синими глазами и рубленным шрамом через левую бровь и щеку. Этот-то шрам – след половецкого клинка – принес деду большую беду; когда вглядывался в отдаленный предмет или при сильном физическом напряжении у Агеича начинала трястись голова, мутнело в глазах – недалеко и до обморока.

Вот и сейчас косматая голова затряслась... правда, пока еще не сильно.

– А ну, Мишка! Где твои засранцы? Молодшая стража, мать ее ити! Да раскудык ваши через коромысло! Стражники, мх-х... Все перекрыли, все перекрыли! Везде дозоры – не проскочит и мышь! Не проскочит... туды вашу...

– Да ты, деда, присядь! – сотник кивнул на полукресло в торце стола. – Плащ, вот, сними, кваску испей... Да поведай спокойно, без сердца – что случилось-то? Илья, налей ему квасу...

– Угощайтесь, Корней Агеич! Милости просим...

– Случилось что?!

Дед все же выпил квасу – махнул кубок разом, одним глотком.

– Отроки наши пропали, из Ратного. Отроки – малые совсем, да и девки с ними. Девоч больше всего.

– И много пропало?

– С полсорока!

– Так... может, заблудились где в лесу? Заплутали...

Миша тут же осекся – сам понял, что сморозил глупость. Деревенские заблудились в родном лесу? Ага, как же!

– До вечера-то подождать – явятся! Дело молодое, мало ли.

– Так-то оно так, – неожиданно ухмыльнулся дед. – Только вот по хозяйству-то кто управляться будет? Сам знаешь, и у старого, и малого на подворье всяко дела имеются. А тут вдруг – не явились! Да не одна, не две – полсорока. Бабы у колодца уже с обеда толпились. Ко мне вот пришли... туды их рассюды! А я вот – к тебе. Кто у нас за безопасность в ответе? Младшая стража, так?

– Ну...

– Так вот я у тебя спросить и хочу! Ничего твои не проглядели? Может, лихие людишки? Или «лешаки» взыграли?

– Так ведь только что были с докладом! Нет, ничего... – Михайла покачал головой. – Не рано ль панику поднимаешь, Корней Агеич? С «лешаками»-то у нас все равно.

– Тьфу! Да это ведь бабы всё... Говорю же – собрались у колодца. Языками чешут – мимо не пройти.

– Понятно...

Молодой человек поспешно спрятал улыбку. Ясно уже стало – достали деда скандальные ратнинские бабы! Ой, были, были среди них такие – палец в рот не клади. Вот Корней и поддался, панику навел – стар стал, чего уж.

– Я так думаю, надо бы просто пройтись, поискать, – подумав, предложил сотник. – Посейчас стражников своих пошлю. Это уж обязательно... Илья! Не в службу, а в дружбу – а покличь-ка сюда Демьяна. Его дозор как раз нынче сменился.

– Вот-вот!

Корней Агеич махнул рукой и вновь приложился к квасу. Хороший был квас – кисловатый, холодный и хмельной в меру. По такой-то жаре – самое оно то.

– Мы-то своих, из Ратного, сразу послали, – поставив кружку на стол, пояснил дед. – Вернутся – доложат. Сказано, чтоб сразу, ага.

Сказал – как в воду глянул.

– Гонец из Ратного, – войдя, доложил Демьян. Выглядел старшой дозора весьма презентабельно: серебристая кольчуга, червлёный плащ, синяя – царь-градской ткани – рубаха вышита по рукавам и подолу.

– Ну вот, – хмыкнув, Миша махнул рукой. – Давай зови.

Уже по внешнему виду гонца – растрепанного молодого парня, судя по босым ногам – чьего-то холопа или закупа – стало понятно, что произошло что-то недоброе. Запыхавшийся споткнулся о порог и едва не повалился на пол.

– Беда, господине! Мертвяков двух нашли. Отроков двух. Лучку с Миркой... Э... Лучезара и Миронегу.

– И что? Что? – вскочив со скамьи, Корней Агеич гневно притопнул деревянной ногой. – Кота-то за... не тяни! Как на духу рассказывай!

Посланец испуганно вздрогнул:

– Так я и...

Десятилетних мальчишек, братьев Лучезара и Миронегу, нашли убитыми верстах в трех от Ратного, почитай – совсем рядом. В малиннике.

– Да говори же! – совсем разгневался дед. – Как именно убиты? Чем? Что там, с малинником, рядом?

Миша молча кивнул – Корней Агеич правильные вопросы ставил. Еще бы спросил – при каких обстоятельствах сие смертоубийство случилось? Впрочем, гонец с того и начал. Путано, через слова «мыкая»... но понять можно было.

– Они это, за ягодами пошли...

– Стоп! – вскинул глаза Михайло. – А что, малина уже поспела?

– Да, прости господи, нет. За земляникой. Там, за малинником, земляники тьма. Ну, ближе к реке, на косогорье.

Оба подростка были убиты. Застрелены из луков. Стрелы так и торчали. А Миронегу еще и перерезали горло.

Тут дед с внуком переглянулись:

– А горло-то зачем? Если стрелой.

– Эх, хорошо бы самим глянуть...

Поздновато спохватились – тела убиенных уже привезли домой на санях-волокушах. Две слезы привязывали к лошади – использовали и летом, а в распутицу – так лучше и нет!

– Надо точно все узнать... деда! Сам поеду, расспрошу.

Уже выли. Уже плакали бабы. Еще бы! Все-таки – сыновья, надежда и опора семьи. Мужики судачили, хмуро глядя на убитых подростков. Во всем винили половцев – стрелы-то половецкие, ага! Видать, опять пробрались. Как обычно – через переяславльские земли. А могли – и через киевские, там тоже ротозеев полно. Эх, чего говорить! У соседей-то, в том же Переяславле, Стародубе, Чернигове, не только раззяв, но и прямых половецких родичей – полным-полно. И все – не простые люди. Бояре, да и сами князья.

– Черные перья, и вон, у наконечника знак, – мужики обсуждали стрелы со знанием дела. Уже вытащили из ран, отмыли от крови – можно и рассмотреть.

– А ну-ка! – Корней Агеич протянул свою медвежью ладонь. Стрелу, однако же, взял осторожно, глянул. – Перья-то соколиные, да не простые, не от охотничьих соколов. От тех, что только в степи водятся. В половецких вежах!

Что ж... Похоже, и вправду половцы! Но зачем?

– Набег какой задумали? А отроки воинов чужих увидели случайно, – негромко вслух рассуждал Михаил. – Вот и... Но как степняки пробрались? Ведь стража! Дозоры...

– Во-во! – скосив глаза, дед посмотрел на внука, хмыкнул недобро. – Я и говорю – дозоры-то твои, Мишаня, где? Проспали?

– Коли так – в плети всех! – на раз взъерился сотник. И тут же охолонул: – Да нет, не должны бы. Не так, деда, у меня служба поставлена, чтоб на посту спать!

– Так, а как же...

– Выясню. Разберусь. Дело, полагаю, нечистое. Своих я послал уже... А тут поглядим, может, еще кто пропал.

Михайла, как в воду глядел, накаркал! Ох, предчувствовал! Пока готовились к поминкам, к вечеру еще кой-кого недосчитались. Да и посланные дозорные зря коней не загнали – убитых нашли! Ах, лучше бы зря... лучше никого не нашли бы, эх...

На следующий день сотник лично осмотрел все места, где нашли убитых. Кроме тех двух отроков, и еще один, четыре девы – убиты. Кого-то просто зарезали, а кого-то взяли на стрелу. Стрелы все одинаковые – половецкие. Опять же – зачем убивать? Ладно, украли бы, в полон увели. Но убить?

Вот ведь проблема... И большая – по окрестным-то деревням слухи разносятся быстро. Скоро дойдет и до Турова, скажут – ни Аристарх-староста, ни боярин Корней, ни новый молодой сотник порядка удержать не могут! Смешки, недоверие пойдет... полное неуважение!

Исчезнет и страх. А нет уваженья, и страха – нет и власти. С такими делами рано или поздно любой власти конец. Еще и неурожай...

Думать надо, думать! И расследование провести – как можно быстрее! И с Кузнечиком... с Тимофеем переговорить – да!

Ближе к вечеру сотник заперся в сенях, всех выгнал да велел, чтоб на дворе не шумели. Уселся, вытянул ноги... Разложил перед собой на столе приготовленную для записей бересту, железные писала... Так лучше думалось. Усмехнулся...

«Ну, что, сэр Майкл, скажете? Придется вам переквалифицироваться в комиссара Мегрэ? Или хотя бы в “знатоков”, пожалуйста...»

Такие вот мысли пронеслись в голове. Совсем для двенадцатого века не характерные. Для двенадцатого – нет, а для конца двадцатого – очень даже! Не для юного сотника Миша Лисовина, а для Михаила Ратникова, депутата Госсобрания и Государственной думы, управленца... успевшего посидеть в «Крестах»... Да так оттуда в двенадцатый век и отправившегося. Не сам собой конечно же – лишь сознание.

Да-да, сотник младшей дружины Погорынского воеводства Михайла Лисовин на самом-то деле – беглый зэк Михаил Ратников, осужденный по части 1 статьи 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны). Лет шесть – да, уже шесть с лишком! – назад он был перенесен сюда, то ли игрой случая, то ли силой науки, то ли волей богов, осознав себя в теле двенадцатилетнего средневекового отрока. За это время пройден немалый путь. От слабенького подростка, неспособного противостоять в драке более сильным сверстникам, до боярича, стоящего во главе сотни готовых на все парней, постепенно превращающихся во все более и более серьезную силу. Впрочем, не только в этом итог прошедших лет, отнюдь! Миша узнал людей, для которых война – не только профессия, спасение и дело чести, но и сама жизнь. Они сделали с ним то, что не удалось офицерам во время срочной службы в армии – он стал одним из них. Принял их взгляд на действительность, их понимание своих обязанностей и их видение своей ответственности: «Если не я, то кто? Никто не придет и не справится с твоими бедами, отрок: богам – божье, людям – людское. Ты есть, прежде всего, то, на что способен сам!» Сам!!!

И никто больше.

Михаил не уверовал ни в богов славянских, ни в богов, принесенных варягами, ни в бога христиан, но понял: даже если богов не существует, они все равно правят этим миром, потому что именно вера управляет поведением людей. Атеистов в те времена не было! Даже до появления рационального взгляда на действительность еще оставалось лет пятьсот, если не больше. Вера – закон! Не подчиняясь законам, диктуемым верой, не выжить, а потому, коли не способен уверовать, то должен понять! Не веру понять, ее невозможно, на то она и вера, а людей! А еще хорошо бы правильно понять свой долг и суметь его исполнить! Неумехи, пусть даже правильно все понимающие, ничего не могут, а без понимания не помогут никакие умения. За эти года жизнь продемонстрировала это Мише неоднократно.

И управление здесь иное. Хотя управленческие технологии действуют и ЗДЕСЬ, слегка иначе, но действуют, однако возможности управленца и спрос с него – принципиально иные! Управленец ЗДЕСЬ может карать вплоть до смерти (что и в XX веке возможно), но и сам он, если не справится, запросто может ответить головой (а вот это ТАМ редкость). Ответственность объекта и субъекта управления одинакова – вплоть до высшей меры, и даже высший уровень управления ЗДЕСЬ от этого не застрахован.

«Ну, что, сэр Майкл, скажете? Что будете делать?»

Когда начались эти внутренние беседы с самим собой? С самого начала появления в чужом теле? Или – чуть погодя? Миша уже и не помнил, знал только одно – сии внутренние монологи-диалоги сильно помогают мыслить. Вот и сейчас нужно было мыслить, решая не одну

большую проблему, а сразу две... из которых, согласно теории управления, по мере решения вырастет еще множество проблем, точно так же требующих решения. Но эти, новые – уже будут решаемы легче. Главное – начать.

Проблемы, проблемы... эх...

Послышались на улице шаги... вошел Тимофей, по прозвищу Кузнечик... Димка... тот в двадцать первом веке саркомой страдал... и сюда его, в прошлое, те же люди перенесли, что и Михаила... и сгинувшего боярина Журавля – Сан Саныча, и мастера Данилу... Худенький, остроносый, Кузнечик не выглядел даже на свои четырнадцать лет... Однако уважением пользовался всеобщим... поскольку очень много чего знал и умел! Прицелы, приспособы разные... ножи точить, бумагу делать, да всякое такое... техническое. Просто незаменимый человек! Ну и еще... Мише приятно было, что не один он теперь... здесь... Тем более – родственник: два года назад юного беглеца усыновили наставник Макар и жена его, Вера. Ох, как дочь их, Любава, радовалась – родной брат появился!

– Вот и решай, Михаил... Дражайший Михаил Александрович! – усевшись, Тимофей нервно забарабанил тонкими пальцами по столу. – Думайте. И не забывайте, сколько людей на вас здесь завязано! Именно – на одно ваше существование и на реализацию ваших планов! Случись что, и как всем им дальше жить? Это же не ТАМ – накрылась фирма, другую работу нашли. ЗДЕСЬ работа с жизнью гораздо жестче связана – зачастую работа или служба и есть жизнь! Вместе с «курсантами» почти две сотни народу в крепости обретаются, и все, так или иначе, от вас зависят. Вот вам и феодал-эксплуататор... в их понимании, чуть ли не отец родной. Да уж... Так что... первым делом обозначим проблемы. Сейчас их по большому-то счету две. Начнем со второй, но очень важной! Грядущий неурожай. Весна нынче выдалась затяжная, холодная, дождливым... А летом – зной! ЗДЕСЬ все на природу завязано, и угроза голода – самая настоящая катастрофа! Как часто и бывало вплоть до второй половины двадцатого века.

Миша мрачно кивнул:

– И эта проблема может стать катастрофичной. Тем более в Ратном. Слишком уж много здесь тех, кто не производит материальных благ, не сеет, не пашет. Та же младшая стража, писцы и прочие – почти две сотни оглоедов вычеркнуты из производства. А кушать хотят все. Ну да, пока можно как-то перебиться – пусть младшая дружина охотится, плюс – грибы-ягоды-заготовки... (но и лесной ресурс не безграничен, тем более – проблема-то встает всеобщая, отнюдь не локальная). Да она и будет являться раз в десять-пятнадцать лет, как тут и бывает. Большая часть населения просто вымрет от голода. Потом постепенно все возродится – до очередных голодных лет... Или до очередной эпидемии, от которой только недавно оправились.

– Так и я о том, – вздохнул собеседник. – В условиях феодализма и варварства эту проблему не решить. Никак! Нет ресурсов, и неоткуда их взять. Что-то сделать можно лишь в одном, отдельно взятом хозяйствующем субъекте – в Ратном, например. Во многом за счет ресурсов внешних – ограбление соседей, набеги, война... Но ведь и соседи тоже будут решать проблему голода точно так же... Значит, не только набеги, еще нужно резко усилить оборону. Но это к зиме. Когда пройдет осенняя распутица, появятся зимники, застынут реки... К этому все идет...

Сотник покусал губы:

– А еще нужно тренировать дружину... которой и охотой заниматься нужно. А зверь – тот же ресурс, и за охотничьи угодья тоже пойдет война. В первую очередь нападут на слабейших! А тут такая незадача – у воеводы Корнея Агеича и его зама, сотника – Михайлы – девок посреди бела дня увели! Да-да, увели, далеко не всех убили, как выяснилось.

– Согласен – проблема. Угроза репутации Корнея и Михаила – они же ответственны «за безопасность», они и не уследили. Девушки ведь не могли разом сгинуть – значит, их кто-то украл! Красивая молодая рабыня стоит немалых денег! А тут – сразу двадцать, целое состоя-

ние. Народ так и скажет – вот ведь управители чертовы, кто хочешь – приходи, что хочешь – бери... Слухи-то пойдут, для имиджа – удар ниже пояса. Соседи так и решат – если кому-то такое с рук сошло, то... почему бы и не напасть? Кто виноват? Корней Агеич и Михаил – они же ответственны «за безопасность», они и не уследили. Девушки ведь не могли разом сгинуть – значит, их кто-то украл! Похоже – половцы. И вот тут-то надо действовать быстро – чтоб все видели, никто из татей безнаказанным не останется, нельзя людей Ратного так вот просто воровать-убивать. Кстати, кого убили-то?

Сотник подвинул поближе берестяные грамотцы с только что записанными отчетами, развернул...

Получалось... получалось... убиты – четыре девушки и трое отроков, лет по десяти... Пропало, выходит, двенадцать. Дюжина! Деньги хорошие. Если с умом продать. А уж ежели в Царьграде...

А если никто их не крал? Если сами сбежали? Хм... маловероятно, но не стоит сбрасывать со счетов.

Эх, мать вашу за ногу! Тщательнее надо вести следствие, тщательней! Ни черта из докладов не ясно – что за девы пропали? Словесные портреты где? Как без этого искать-то?

– Ну, я пойду, дела еще... – встав, откланялся Кузнечик. – А о проблемах – подумаю. Не забуду, нет.

– Илья!

Простившись с приятелем, Миша покричал «секретаря». Тот явился сразу – ну, так здесь же был, где-то неподалеку...

– Всех свободных от службы ко мне. Живо! Хотя... Стоп! Отставить.

– Что, господин?

– Говорю – пока свободен.

Словесный портрет! Прежде чем поручение давать, нехудо бы самому представлять, что конкретно от людей хочешь. Хотя бы так... приблизительно... в милиции-то Ратников никогда не служил... а вот сейчас бы и пригодилось! Ладно, что-то по фильмам вспомнить, что-то – по логике вещей, по теории... Начнем с фигуры... Какие у нас фигуры бывают? Худощавые, худосочные, коренастые, толстые... Далее – рост, вес... Грудь, бедра... Походка – это очень важно, походка. Еще что важно? Лицо. Круглое, овальное, треугольное, вытянутое, плоское... Глаза... Нос... уши... ну, тут понятно все... Волосы, прическа... да косы, да... Может, ленты какие? Ну да – украшения. Одежда. В чем были, в чем пошли. Еще – особенности речи, если есть. Ну, это уже не словесный портрет, но... тоже сгодится.

Так! Все это на грамотцах – на бумаге или на бересте, без разницы – накидать... раздать. А то ведь забудут, орясины! Сам все не сделаешь, как ни старайся. Не разорвешься на сто частей. Потому такая штука и есть – делегирование полномочий. Иначе никак.

– Илья! Зови всех!

Всех в данном случае означало – десятников. Тех, кому делегированы полномочия. Еще раз – куда более вдумчиво – попросить родичей, друзей-подружек. Может, кто-то собирался куда? Может, о чем-то сговаривались? Ну и – словесные портреты – само собой. Это уж – «потеряшкам».

– Четко все сделайте! – прохаживаясь, инструктировал Михаил. – Вот прям как написано... Ясно всё?

– Так точно, господин сотник!

– Тогда исполняйте. Вперед! Срок вам – до вечера.

Так, еще что прикинуть? Что уже известно, четко все записать, наглядно представить... Уяснить, наконец, а было ли преступление? Хотя бы формально. С точки зрения управленче-

ской науки (как, к слову, и в юриспруденции) любое преступление есть квадрат. Четыре стороны: объект преступления, субъект, объективная сторона, субъективная...

Вот сейчас и разложим. Все по полочкам. А там – поглядим, прикинем.

Итак – объект. Жизнь и здоровье – это у убитых, да. А у пропавших? Отношения свободы, чести и достоинства. Так. Коли девок свели, украли, так нет у них больше ни свободы, ни достоинства, ни чести.

Ну, сэр Майкл? Так есть у нас объект преступления? Есть. Смотрим дальше. Субъект. А вот с этим пока сложно! Физическое лицо, вменяемое, достигшее установленного законом возраста наступления уголовной ответственности. Как-то так примерно... Тут пока только догадки. Половцы? Соседи? Да кто угодно. Судя по стрелам – вроде половцы. Но это еще надо думать, смотреть. Иногда истина вовсе не лежит на поверхности. Однако же – погибшие же не сами себя убили. Значит, есть субъект, есть!

Теперь еще одна сторона. Объективная. Время... Хм... судя по опросам – начиная с пяти часов утра и до... примерно до полудня. А в некоторых случаях и до вечера. Но все за один день – за вчерашний. Так... Место? Не одно место – три. Три компании было. Одна – в лесу, точнее, на опушке – по ягоды, за смородиной, за земляникой. Вторая – за рыбой да купаться. На лесное озерко – там вода теплее и рыбалка. Хотя в такой-то зной могли бы и на реку, правда вот насчет клева – бог весть... Да и озерко недалеко... Ага, третья группа пропавших – и частью убитых – лозины на корзинки резали. Эти – на лугу, там вербы полно. Там их пастушки могли видеть. Так пастушков и убили. И собак. А стадо не увели! Хм... значит, не за стадом явились.

Все три места происшествия выявили и тщательно осмотрели, прочесали окрестности... Ничего не нашли. Ни конского навоза, ни следов... Хотя нет, следы-то все же имелись – там трава примята, тут сучки сломаны... Но кто там шлся, чьи следы – а пес его... Установить некому, экспертов-криминалистов нет!

Не за стадом явились. За девушками? Похоже, что так. Вот вам – субъективная сторона, четвертая. Отношение и форма вины – прямой умысел. На убийство? На кражу? Скорей, на кражу. Красивая молодая рабыня немалых денег стоит. Зачем тогда убивать? Ладно, парней убили – свидетелей, но ведь и некоторых дев тоже. Почему? Что, такие эти девы страшные, что и не продать? Хм... Вряд ли. Тогда почему? Пока вопросов больше, чем ответов. Еще с учителями – «наставниками» – посоветоваться обязательно. С Прокопом, Филимоном, Макаром... с Ариной-боярышней...

Пока Миша думал, явились посланные стражники. Не все, но большая часть.

– Господин сотник, разрешите доложить...

Эх, орлы! Заслушаешься-залибуешься. А сколько для того с ними повозиться пришлось? То-то.

– На бересте все записали?

– Так точно!

– Молодцы, быстро управились. Грамотцы давайте сюда... Свободны пока. Чего не беру – вызову.

Итак...

«Потеряшки».

Рассортируем по месту происшествия. По месту пропажи то есть. Начнем с ягодниц. Между прочим, родичи старосты Аристарха! Тут, в Ратном, в принципе, все друг другу родичи, но эти – к Аристарху ближе.

Первое место – лесная опушка. Девчонки по ягоды пошли, за смородиной, за земляникой. Восемь всего. Две убиты. Шесть – пропали. Имеются следы волочения в сторону ручья с каменистым руслом. Чуть выше – следы копыт...

Ясно... Что ни черта не ясно! По ручью могли к реке... а могли – и на лошадях... Ищи теперь, свищи! Хотя... Там посты, сторожа. Чуть в стороне, правда. Верстах в четырех. И в лесу, и у реки... Неужели никого не заметили? Ничего такого, подозрительного? Еще раз опросить дозорных! Вызвать.

– Илья-а!..

Так, сэр Майкл? Что у нас со словесными портретами? Пропали... Лада (в крещении – Анна), Рада (Агриппа), Звенислава (Елена), Любица (Варвара), Пламена (Клавдия) и Радогоста (Евдокия). Лада – роста высокого, худощавая, лицо овальное, слегка вытянутое, губы тонкие, нос прямой, волосы цвета ржи... Ох ты ж – «цвета ржи»!.. Глаза светло-голубые. Особые приметы – на левой щеке родинка... Это кто же записал-то? Молодец какой! Узнать у десятника... узнать – толковый малый.

Рада... роста среднего, худощавая... серые глаза... волосы... опять «цвета ржи»! Особые приметы – шепелявит...

Звенислава-Елена... глаза светлые... волос «цвета ржи»!..

Такого же типа и остальные!

И в других местах – то же самое! Высокие – или среднего роста – худощавые, блондинки с синими или серо-голубыми глазами. Правда, сказано просто – «волосы светлые», а не «цвета ржи»... Уточнить!

– Илья! Зови десятников.

– Так, парни... – глянув на дружину, Михайла в который раз испытал чувство глубокого удовлетворения. Вон, стоят – молодец к молодцу! Красавцы, орлы. Воины! Архип, Алексей, Глузд – сын поварихи, тетушки Плавы, года два назад – та еще оторва, нынче же – сама серьезность. Эх, парни! Умны, к дисциплине привычны, многим оружием владеют... И это все благодаря ему, сотнику Михаилу Лисовину! Ну, как тут не возгордиться, а?

– По волосам уточним... Что значит – светлые и «цвета ржи»? Это разная масть или одинаковая?

– Так у них у всех – как солнце!

Как солнце... То есть блондинки, не светло-русые, не палевые, не шатенки... и уж не брюнетки – точно!

– А что, темненьких среди них нету?

– Нету, господин сотник, – за всех ответил старший, Демьян. – А вот, среди убитых есть.

– Так-та-ак, – Миша приподнялся в кресле. – А какие еще среди убитых имеются? Светленькие есть?

Словесных портретов убитых не составляли. Логично – зачем? Чего их искать-то? Однако же, кто как выглядел, припомнили быстро – Ратное, чай, не Нью-Йорк, народу не так уж и много, все друг друга знают.

Не нашлось среди убитых блондинок! Ни одной. Красивые брюнетки, да, были, еще имелась шатенка и рыжая. А вот чтоб «цвета ржи»...

Ясно всё! По «масти» дев брали. Именно дев. Кто не подходил – ликвидировали без всякой жалости. Мальчиков, брюнеток, рыжих...

– Что же они, просто налетели и...

– Может, и так, – повел плечом сотник. – А может, дело хуже. Кто-то навел!

– Выходит, предатель?

– Я же сказал – может. Думать надо. Искать.

Десятники вышли, и Михайла вновь вытянул ноги. Задумался... да что тут думать-то? Ясно все стало – не просто на продажу дев брали, а скорее – под заказ! В дверь постучали...

Вошел юный ратник Ермил. Тот самый, что придумал про «цвета ржи». Приметливый, умный...

– Еще одну деву забыли, господин сотник!

– Как еще одну?

– Сама по себе она была. Без компании. Горька, Горислава, Горе луковое. Бабки Брячялавы приживалка – оторви да брось!

– А-а-а! – тут вспомнил и Михаил. – Та, что всегда со всеми лаялась да дралась? Красивая такая... и волосы – «цвета ржи»... А где пропала?

– Из Василькова по пути... Но, господин сотник... – Ермил замялся, покусал губу. – Горька такая, что и сама сбежать могла запросто. Было бы к кому.

– Вот именно – было бы. И все равно место пропажи установить надо. Может, там что найдем?

Косогор. Пахнувший медвяным разноцветьем луг с травой по пояс. Узенькая тропинка к реке, к омут-ку, к плесу. Краснотал, ива...

– Укромное местечко... – Сотник привязал коня.

Сопровождающие его отроки младшей стражи тоже спешили и следом за своим командиром спустились к реке, осматривая по пути каждую травинку. Обо всем подозрительном докладывали немедленно.

– Тут вот трава примята – видать, шли.

– Да не просто шли – волокли что-то.

– Что-то? Скорей, кого-то...

– Господин сотник! – один из парней выкрикнул громче других, подняв над головою... недоплетенный до конца венок, уже чуть подзавявший.

– Ну-у... – тщательно осмотрев венок, даже понюхав, Михайла задумчиво прищурился. – Точно какая-то дева...

– Так Горька же! А вон, вон еще – кольцо височное! Эвон, в траве блестит... Вот! Точно Горька!

Ермил протянул кольцо – три круглые узорчатые бусинки из серебра, сплетенные в одно целое. Изящно! Кузнечика работа... Наставника Тимофея... Дмитрия...

– Может, и она... Молодец, Ермил – глазастый! Ну, что встали? Дальше пошли.

За несколько лет, проведенных в образе средневекового подростка, Ратников и сам сроднился с этой эпохой, восприняв все привычки живших тогда людей. А в те времена все отличались приметливостью, все вокруг себя подмечали, не упускали ни одну мелочь – ведь от этого частенько зависела жизнь!

Вот и сейчас сотник сразу заметил и примятую на косогоре травку, и остатки следов на песке. Наклонился в траве... нашел какую-то нитку!

– Здесь она раздевалась... тут – в воду зашла. Купалась дева!

– А отсюда за ней подглядывали! – снова выделился Ермил. Унот. Впрочем, нет – уже младший урядник.

Едва год он в страже, а вот поди ж ты – себя уже проявляет! Тринадцать лет, жилистый, тощий. Смугловат. Узкое лицо, обрамленное длинными темными волосами, делало паренька похожим на список с какой-нибудь ромейской иконы. Держит себя спокойно, перед начальством не заискивает, вообще, похоже, себе цену знает, не суетится почти никогда. Серые глаза смотрят по-взрослому, цепко. Из Нинеиных... из Нинеиной веси – Велесовы люди... Мало кто после недавней лихоманки выжил – этот вот... да еще – раз два и обчелся. С такими ухо надо держать остро. Либо – на свою сторону, либо... Да! Хорошо бы и волхвиц да провидиц к расследованию привлечь. Ту же Нинею Всеславовну, Юльку... Хуже не будет.

– Ну, с чего ты взял, что подглядывали? Почему ты именно к этим кустам пошел, а не вон к тем?

Как хорошего командира, ход мыслей подчиненных сотника интересовал всегда. Вот и сейчас Миша спросил, не постеснялся, не побоялся авторитет свой под удар подставить. Так ведь правда и есть – чего стесняться-то? Недаром сказано – «спросить – не украсть».

– Небось, раньше тоже за девками подглядывал! Когда купались! – со смехом выкрикнул белоголовый Глузд. Уж он-то – подглядывал, не ходи к бабке!

– А хоть и так, – Ермил не повел и бровью. – Вы, можно подумать, не подглядывали!

Ай, молодец – уел! Михайло поспешно спрятал усмешку – положительно, этот парень мог заставить себя уважать.

– Вот, господин сотник... Вот эти кусты – чернотал да смородина, и вон те – барбарис...

– А там еще смородина!

– И верба!

– А ну-ка, отставить разговоры! – прикрикнул сотник. – Слушать всем внимательно да на ух мотать.

– Так вот, – парнишка невозмутимо поправил упавшие на глаза волосы. – Из всех тех кустов далековато до леса. Если девки заметят – догонят запросто и по шее надают.

Остальные прыснули было, да сотник вовремя погрозил кулаком.

– А вот от этих кустов до леса – самый смык. Если что – ноги в руки да в буреломы и спрятались. Поди, поищи! А «лешаки» ныне подальше, за болотом... Вот тут, похоже, трое стояло...

– Ага...

Михайла и сам уже заметил следы. Не только в траве, ну и вот, на тропке, на земле отпечатались – вполне даже четко.

– Сапоги-то половецкие, господин сотник, – присел рядом Ермил. – Вон мыски какие – чтоб удобнее в стремя... Хорошие сапоги – высокие, ремнями к поясу крепятся.

– Половцы, значит... Как же их дозор пропустил? Или «лешаки» те же?

– Никак не пропустили, – мальчишка глянул вполне серьезно. – Вражины и с того берега могли явиться. Выше по реке вброд перешли, чуть ниже – переправились.

– Ага! И никто степняков не заметил.

– Почему степняков? Могли купцами прикинуться, артельщиками, скоморошьей ватагой.

А ведь и вправду – могли. Запросто! Половцы – турки, но турки – языковая семья, а не раса. Есть явные европеоиды – те же турки, к примеру, – есть и монголоиды – казахи, якуты. У половцев – примерно поровну. Есть узкоглазые – истинные сыны далеких степных кочевий, а есть и... от русского не отличишь! Да и название – «половцы» – от слова «половый» – светло-русый, значит. Ох, недаром половецкие девы первыми красавицами считались! Сколько князей с ханами половецкими перероднились – и не счесть. Не поймешь уже, где Русь, а где половецкие вежи.

Это-то и плохо! Если кто из киевских, черниговских, переяславских князей да бояр половцев этих провел, прикрыл... Наищемся! Но искать – наказать – надо. Иначе весь имидж младшей стражи – и лично сотника – к чертям собачьим летит.

Ничего, будем искать. Оказывается – не столь уж и сложное дело. Муторное, правда, да.

В тех же кустах, где прятались неведомые пока люди, отыскивались волокна грубой ткани. Верно – мешок. Ну да – мешок девчонке на голову – и потащили...

– Ищите, где они оставляли коней.

Ну да, коней искать надо. Степняк без коня жизни своей не мыслит. Тем более, как без лошадей в набег. Пешком, что ли?

– Вон, туда, к лесочку пройдите... А мы с Ермилом пока здесь.

– Хорошее место, – проводив взглядом товарищей, парнишка поднялся на косогор. – Сядешь на круче... вот здесь – далеко видно. Почитай, вся река. Простор!

Михаил тоже поднялся, глянул на медленно проплывавшие по реке суда – приземистые ромейские моносилы. Небольшие, в длину метров, наверное, двадцать пять – двадцать. С наросшими дощатыми бортами – чтоб и по морю потом плыть до самого Константинополя – Царьграда. Большие морские корабли по Днепру не пройдут – пороги, волоки. Только вот такие – которые можно переволочь. Точно такие же и ладьи русских купцов – гостей торговых.

– В Туров плывут, – прошептал про себя Ермил. – Гребут хорошо, мерно...

– Верно, рабы...

– Да нет, господин сотник. Наемники – за хорошую плату. У них еще паруса есть да пара мачт... сейчас не видно – сложили. А как в море выйдут, тогда... Седмица им для торговых дел и осталась. Потом возвращаться надо – обратно плыть. По Припяти – в Днепр, там – в Русское море – Эвксинский Понт. Пока доберутся – уже и осень глубокая. Кто опоздает – придется в Киеве зимовать.

Михайла слушал вполуха. И сам все прекрасно знал. Турово-Пинское княжество, Горынь да Припять-река – часть древнего торгового пути «из варяг в греки». Здесь по сути и волоков-то уже нет, теперь в низовьях Днепра только. Зато какие! Главное, инфраструктуры – в отличие от других волоков, северных – почти что никакой не имеется! Потому как вражины кругом – раньше печенег, нынче – половцы. Да разного разбойного люда полно – степь кругом. Потому на ладьях – шкиперы, да гребцы, да матросы – они же и воины. Еще куча купцов обязательно какую-нибудь дружину наймет для охраны. Всем плати! И все равно – выгодно! Очень выгодно. Даже сейчас, когда, казалось бы, Константинополь совсем не тот, что раньше. Восточная Римская империя – Византия – во многом на старом заделе держится. Турки ее теснят со всех сторон. Века через три и завоюют (в 1453 году). И сделается Константинополь Стамбулом, а храм Святой Софии превратится в мечеть. Но до того Константинов град успеют еще и крестоносцы пограбить. Лет через сто (в 1204 году, во время очередного Крестового похода). Через сто лет – ограбили. Значит, было что брать! Тем более, и сейчас есть – иначе бы не торговали. Правда, торговля уже не та, что раньше, века полтора-два назад. Раньше князь этим занимался, курировал, дружина за счет этого и жила. Сейчас же – нет, все на землицу «сели», каждый хочет сам себе князем быть. Зачем боярину куда-то в дальний поход, когда и здесь неплохо – оброки да отработки! Развитие вотчинного хозяйства есть одна из причин феодальной раздробленности, и поделаться с этим ничего нельзя, потому как – прогресс! В учебниках школьных ведь как сказано? Переход от подсечно-огневого земледелия к... к трехполью!

К трехполью, братцы мои! К трехполью. Озимые, яровые, пар... Наука, еще римскими агрономами описанная...

Миша шлепнул себя руками по ляжкам! Ну, вот оно! Как голода-то избежать. Правда, обдумать все хорошенько надо, с Тимкой, с Агеичем, со старостами поговорить. Здесь ведь, в лесах, у черта на куличках среди болот, прогресс дорогу медленно пробивает. Лес подрубят, потом – как подсохнет – сожгут, зола – удобрение. Затем – корчевать пни. Все разом. Всей деревней, общиной всей – одной семье дело такое не подвластно.

Первые года три урожай хорош, потом – увы, землица-то истощается. Значит, новая перемога – новый участок – подсечь, пожечь, корчевать... бороной-суковаткой боронить... сохой пахать – уломаешься! Называется – подсечно-огневое земледелие. Для кого-то – милая сердцу старина. Так всегда предки делали, а предков надобно чтить!

О новых подходах к хозяйству Миша и раньше задумывался, когда сеялки-веялки-жнейки заново придумывал-изобретал, вместе с дядькой своим, Лавром, кузнецом от бога. Но одно дело – сеялки, и совсем другое – весь быт менять, да что там быт – всю жизнь! Скот разводить – коров – не только на молоко и мясо, но и ради навоза, землицу удобрять. За землей следить, приглядывать – менять поля по агрономической римской науке. Там ведь не просто

так все! Эх, жаль, он, Михаил Ратников, не агроном, не председатель колхоза. Не довелось на земле-то хозяйствовать... Придется учиться здесь! По тем же римским книгам. Заказать тем же византийским купцам... или своим. Их тех, кто в Царьград ходит. Да, может, кто-то из окрестных бояр, кто к городам поближе, именно так и хозяйствует. Вот и послать ходоков – пусть опыта набираются. Узнать только, куда. Узнать. А времени-то мало! Да и землицею прирастать по сути-то некуда! Из-за охотничьих-то угодий, почитай, каждый раз с соседями конфликты. Что уж говорить о пахотной-то земле... Да что там свои соседи, когда чужих хоть отбавляй! На западе – Волынь, на востоке – Смоленск да Чернигов. С севера – Полоцкое княжество да Черная Русь, с юга – киевские князья. Считается, что они пока главные, да вот по факту-то – наособицу все! Не старые времена, никто из местных князей особо Киев не слушает – и без князя Киевского прожить-прокормиться может, сам. Киев – чисто номинальный глава, для форсу больше. Тем более сейчас, после смерти Владимира Мономаха. «Лебединая песня Киевской Руси». Так ведь ничего и не сделать – против законов общественного развития не попрешь! Рюриковичей развелось – будьте нате! Да еще и «лестница» эта чертова – или поместному – «лествица», когда князю наследует не старший сын, а очередной по старшинству брат.

– Разрешите доложить... Нет ничего, господин сотник!

Ага, явились – не запылились. Деятели...

– То есть как это нет?

– Лошадиных следов нет, господин сотник. Не видели.

Михайла вздохнул. Не видели они... Вот уж правда сказано – если хочешь что-нибудь сделать хорошо, сделай это сам! Правда, это же правило говорит о полной неспособности к административно-управленческой деятельности. Какое уж тут к черту «делегирование полномочий»... Хотя, как же без него-то? Почему бы этим парням не доверять? Они же местные, все стежки-дорожки знают. Уж явно если бы были следы – заметили бы. Правда, не может того быть, чтоб вообще ничего...

– Докладывайте обо всем, что видели.

Парни дошли до ручья – верстах в трех, дальше не ходили – там уже дозор, уж всяко чужих заметили бы.

Ручей как ручей. По колено, а где и по пояс будет. Вода холодноватая. Дно каменистое.

– Так, а где он в реку впадает?

У впадения ручья в реку, на песке обнаружился след. Точнее сказать – следы.

– Лодка у них была, – покусал губы Ермил. – Или это другие? К лодке они могли бы и по берегу – ближе. Или вообще у косогора пристать.

– Да не те это! Рыбаки. Челноков тут – сонмище.

– Всех опросить! – сотник жестко поджал губы. – Не так тут и много селений поблизости. Не так много рыбаков. Узнать, кто в том месте был... вчера, с полудня до вечера.

Отправив парней, Михайла поехал обратно в городок. По пути раздумывал, но все же решил – отправиться немедленно к лекарке Юльке, а затем к Ни-нее, Велесовой волхве, кою про себя Миша обзывал «графиней». Ох, много чего повидала на своем веку эта женщина, много где была. Но и настороже с нею быть надобно – всегда!

Пока собирался, вернулись и парни. Молодцы, быстро управились. Опросили, кого смогли – да что тут и опрашивать-то? Много ли в лесных чащобах селений да людей? Полтора человека. Никто из местных вчера у ручья не ловил! И за водой ключевой к берегу не при-чаливал. Так-то! Значит, не местные. Откуда взялись? Скорее всего – с корабля. Половцы и корабль – вещи несовместные? Ну-у... как посмотреть. Мало ли что в этой жизни случается. Ладно, ехать пора...

– Господин сотник, – едва Миша спустился с крыльца, как тут как тут Ермил. Покло-нился. – Илья сказал – в Нинеину весь едете? Там, рядом, деревня моя... была.

– Со мной, что ли, напрашиваешься? Ладно, поезжай... – одним махом взметнувшись в седло, молодой человек хмыкнул, обернулся к хоромам и погрозил кулаком. – А старшему писцу Илье – выговор! За слишком длинный язык. Ну, что встал? Поехали, коль навязался.

Так и выехали, одвуконь. Надо было взять паренька, надо. С одной стороны – благодарность от командования за расторопность, а с другой... Ну, невместно, когда представитель власти (а сотник – должность немалая!) сам-один куда-то несется, без всякого сопровождения. Как бы здесь сказали: «как никому не надобный шпынь!» Нехорошо это, несолидно. Все равно, как сам в черной служебной «Волге» вместо шофера за рулем! Разве что Леонид Ильич Брежнев такое практиковал – молодость вспоминал. Так то Брежнев! И все равно – с «ординарцем» как-то солиднее.

Ермил смотрел во все глаза, даже рот распахнул от удивления. Еще бы! Собранным по глухим селениям отрокам младшей стражи село Ратное казалось огромным городом. Дома, которые строила для своих семей артель Сучка по Мишкиному «проекту» – просторные пятистенки на подклете, с отоплением «по-белому», с деревянными полами и черепичными крышами, представлялись не иначе, как «царьградскими» дворцами. А уж девки...

Про девок завсегда любили почесать языками ратнинские бабы. Бывало, соберутся у колодца и давай языками чесать. Не только про беспутных девок, но и – большей частью – конечно же про мужиков да про любовные утехы! О чем еще бабам-то сплетничать? Вот и говорили-судачили, мол, ежели муж после любви просит есть – можно рассчитывать на продолжение, а если пить – тогда все, жди следующего раза.

Нынче тоже стояли у колодца. Верка, Варвара и прочие... Правда – смурные, что и понятно – дела-то в округе творились недобрые! Завидев Мишу с Ермилом, хотели было что-то спросить, узнать о ходе расследования, нашли супостатов иль нет... Да куда там! Всадники пустили лошадей в рысь, промчались, поднимая тучи желтой дорожной пыли...

Первым делом Михайла заглянул к матери, оставив своего спутника дожидаться рядом с подворьем, на вымощенной деревянными плашками улице. Как и положено ординарцу.

Мать, Анна Павловна, встретила сына приветливо. Обняла, спросила про жизнь да собралась было покормить с дороги, однако же Михаил отказался – некогда.

– В другой раз, мама. Сейчас не о том душа болит.

– Понимаю...

Анна Павловна, особа лет тридцати семи – тридцати восьми, как всегда, выглядела весьма привлекательно. Высокая, статная, русоволосая. Тонкий прямой нос, чуть удлиненные глаза – где-то среди пращуров все ж таки затесалась толика степной крови. Как и у многих, да.

Много чего знала, много чего понимала – все же родом-то была из Турова, городская. Это для местных дреговичских дев, слаще морковки ничего не едавших, Ратное смотрелось чем-то навроде Царьграда или, там, Киева, а уж Анна на городскую жизнь насмотрелась. Тем более, в Туров иногда все же навевалась, навещала младшего братца Никифора, знаменитого купца.

Дома вроде бы все было в порядке. Старшие сестры Миши, двойняшки, Анна и Мария, давно были выданы замуж, младшим же детям – Сеньке и Ельке – едва стукнуло двенадцать, те с утра еще усвистали на сенокос, оставив мать «на хозяйстве». Был еще некий Алексей, сожигатель матери, из много чего повидавших «бандитов», кондотьер, немало проливший крови...

– Младшие пусть поосторожней шастают... – уходя, предупредил Михайла.

– Да уж знаю, – мать отмахнулась, сверкнула зелеными глазищами, такими же, как у Миши. Хотела что-то спросить, но не стала, знала – если бы что было, так сын рассказал бы и так. Ну, а раз не рассказал, значит, никаких новых вестей не было.

– Храни тебя Бог, – Анна Павловна проводила сына до самых ворот подворья. Благословила, перекрестив, и никаких старых богов не помянула, только Христа. Потому как городская!

И правильно. Государство сплотить только единобожие может! Только вот здесь, в глуши, с местными богами тоже считаться надобно, да еще не забыть, кто для кого главнее. Для кого-то – громовержец Перун, для иных же – сумрачный скотий Велес, для кого солнцеликий Ярило, Дажьбог, а кое-для кого – мать-земля Мокошь!

Вот к людям Мокоши сотник сейчас и направился. К старой своей подружке лекарке и ведунье Иулии, в просторечии – Юльке, что жила вместе со своей матушкой, лекаркой Настеной.

Неказистый домик их стоял на отшибе, в низине, за деревьями возле реки, за пределами защищающего село тына. Миша знал, что сразу за плетнем начиналась настоящая чащоба. Стволы поваленных ветром деревьев громоздились один на другом, образуя непроходимый завал, заросший молодой порослью. Однако все же пройти было можно – Юлька как-то сама показала путь...

Вновь оставив Ермила ждать, сотник спешился и, поручив «ординарцу» коня, подошел к калитке.

– Ой, кто к нам нынче пожаловал!

Юлька, видать, заметила гостя еще раньше. Вскочила во двор, вся из себя важная. Все такая же – маленькая, худенькая, небогато одетая, со спутанными волосами. Однако хорошо видно, не девчонка уже – женщина... И женщина притягательно-красивая! Увидев ее, Миша все слова забыл...

Заневестилаась подружка, чай, пятнадцатое лето пошло. Обычной бы деве – скоро и замуж да деток рожать. Но только не Юльке! Ей замуж не надо – иначе не лекарка будет, не ведунья. Замуж не надо, а муж – нужен! Чтобы дочку родить, ведунью в седьмом поколении! Впрочем, никто их к этому не принуждает, лекарки сами счет родства ведут, сами связи выбирают. Каждая сама знает, кого от кого родила, а все вместе – все про всех. Матушка Настена знает, какая пара Юльке (по-язычески если – Людмиле) нужна, чтобы ее способности еще усилить. Еще и спросит у знакомых лекарок, где такой мужчина есть. Если те не знают, то спросят у других. Рано или поздно найдут. И это очень Мише не нравилось, поскольку в Юльку он...

А, Впрочем, только ли он? Сама-то Юлька к малолетней Нинеиной Красаве – и то ревновала. Поди знай, с чего? Да нет, было, было с чего – Красава так на Мишу смотрела, что огого! И это все несмотря на весьма юный возраст.

– Знаю зачем пришел, – Юлька взяла гостя за руку, заглянула в глаза. – О супостатах-врагах спросить. Тех, что отроков да отроковиц невинных кровь пролили... а иных свели... Ну, входи, входи, не стой – помощник я еще с утра к болезным отправила, а мать дома...

Войдя, сотник поклонился, приветствуя лекарку Настену. Та хлопотала у очага, видать, варила какое-то лекарственное зелье из медвяных трав.

– А, Михайла... Гость в дом – добро в дом. Садись вон на лавку... Гуня... Людмила все сделает.

Гуня... так ласково звала мать дочку...

– Садись, садись... Глаза прикрой, ага...

Юлька уселась рядом с Мишей. Немного посидела, закрыв глаза и выравнявая дыхание, пробудила в кончиках пальцев ощущение жара, взяла парня за руки и погнала волны успокаивающего и расслабляющего тепла. Миша быстро расслабился и словно бы провалился в какой-то удивительный волшебный сон...

Словно бы вновь пришел в себя... ТАМ, в своем будущем, в своей прежней – если можно так сказать – жизни... Михаил Ратников особенно-то музыкой не занимался. Не то чтобы не интересовался совсем, популярные шлягеры даже насвистывал-напевал бывало... Но вот так, чтобы в юности собирать пластинки с подпольными записями рок-н-ролла на рентгеновских

пленках (так называемые «диски на костях») или, уже в более позднее время, собирать музыкальную аппаратуру и покупать у спекулянтов импортные пластинки каких-нибудь там «Пинк Флойд» за сто рублей – нет, этого не было. Хотя про тот же «Пинк Флойд» и многие другие популярные группы Михаил, конечно же, слышал. Чай, не в глухом колхозе жил! Да и на судне, где когда-то пришлось поработать, радист-«маркони» музыкой увлекался, так что...

Хорошего дорогого проигрывателя, усилителя, колонок – этого не имелось, а вот кассетный магнитофон был. Моно, не стерео. Но все-таки...

И вот привиделось вдруг – четко так привиделось, во всех мельчайших подробностях, – будто купил он в порту кассету – «красную» «соньку» на девяносто минут. Отдал ее «маркони», и тот что-то там записал, принес... Миша вставил кассету в магнитофон, нажал на клавишу...

– Сувенирз фром сувенирс... От сувенира к сувениру...

Знакомая такая мелодия. Очень популярная когда-то песня. Вот только вспомнить бы, кто ее пел. Имя такое... тоже знакомое... Нет, не Джо Дассен. И не Том Джонс. Ну ведь буквально на кончике языка вертится – а не ухватить.

Тут и проснулся...

Настена с Юлькой разом напали:

– Что видал – говори!

Мол, живенько все растолкуем.

Ну, и как им сказать? Про магнитофон, про кассету... Они и понятий таких не знают. Ну, нет просто ничего подобного в мозгу и быть не может.

– Хм... Песню я слушал.

– Песню? Может, псалом какой?

– Да нет. Песню. Не нашу.

– А кто пел? Женщина, мужчина?

– Да вроде мужчина. Голос, правда, тонкий...

– Ну, вспоминай!

Не вспомнил Миша. Как ни пытался. Прочно как-то все прежнее забыл. Да и немудрено – тут, с нынешними каждодневными заботами и ответственностью, не до воспоминаний.

Встав, сотник пожал плечами – отклонялся:

– Пойду я, пожалуй... Вспомню – зайду.

Юлька проводила его до калитки. Прощаясь, взяла за руку, молвила горько, с некоей укоризной:

– К Нинее пойдешь? К этой... Красаве...

– Да не нужна мне Красава, сколько раз тебе говорить-то?! – не выдержав, вспылil Михайла. – А к Нинее – да, съезжу. Нынче все средства хороши.

Дорога от городка до Нинеиной веси давно уже была убита копытами и тележными колесами, хотя все же что-то для удобства путников делалось. Кусты и мелкие деревья выкорчеваны, низко свисающие ветви деревьев обрублены. При нужде по дороге могли свободно ехать три всадника в ряд, да и встречные телеги разминуться могли вполне свободно. Не дорога – автобан, по крайней мере, сейчас – в сухое, жаркое время! А вот недели на три пораньше... ух, и грязь же! Такое месиво, что тележные колеса в иных местах почти по ступицы проваливались. Впрочем, для Руси – России – ничего нового.

Неужели и правда – половцы? Степняки! Тогда – догнать! Отыскать следы, дороги, по которым пришли... Так ведь и посланы уже люди верные. Однако же нет ничего! Ни дозорные, ни соседи – никто степняков не видел. Да, половцы, конечно, хитры, но ведь не духи же они бесплотные! Не могли уж совсем следов не оставить... На лесных дорожках – ни кострищ, ни следов лошадиных копыт, ни помета! Как так быть может? Тем более на косогоре у реки

– следы очень даже четкие! Что ж, коли разумному размышлению сие не подлежит, остается одно – мистика.

В Нинеиной деревне, в отличие от того же Ратного или Михайлова городка, люди, в большинстве своем, жили по-старому, в полуземлянках с земляным полом и очагом вместо печи. Встречались и печи – только топились они по-черному. И нет, чтобы не могли себе позволить – просто старые обычаи блюли. Язычник – он всегда живет по заветам мудрых и непогрешимых предков, а жители Нинеиной веси язычниками и оставались – закоренелыми. Правда, от деревни после мора остались лишь пара жилых построек...

Впрочем, дом самой ведуньи стоял на высокой подклети и по сравнению с окружающими хижинами выглядел настоящим боярским теремом. К тому же и печь по-белому топилась, для здешних болотных краев – невидаль.

Колдунья заприметила гостей еще издали. Может, в окно увидала, а может, подсказал Велес. Сама встречать не вышла – вот еще! – послала правнучку, Красаву... А девчонка тому и рада – давно в Мишу втюрилась, зараза мелкая! Подбежав, прильнула к стремени, глазищами сверкнула:

– Ой, Миша! Очам своим не верю. Неужто в гости? А это с тобой кто? Ага! Никак Ермил из рода старого Хотобуда! Как вырос-то, похорошел... и не узнать.

– К Нинее Всеславне мы... – спешившись, сотник поцеловал девчонку. Не любовно поцеловал, а так – из вежливости, троекратно. С малолеткой разводить шуры-муры – оно ему надобно? Тем более Юлька еще...

– Беги, доложи.

Красава скрылась в хоромах, но почти сразу вернулась, поклонилась едва ль не до земли:

– Заходите! Ниней Всеславна гостей к себе жалует.

Жалует! Эва, боярыня ты наша. Графиня-баронесса...

– Ну, жалует – так пойдем.

Подбежавшие слуги волхвицы приняли коней, повели к коновязи.

– Господин сотник... Это Красава, что ль? – набравшись храбрости, уточнил Ермил. – Надо же! Как повзрослела... Не девчонка ныне – дева. Давненько ее не видал. Ране-то, говорят, частенько к нам в крепость бегала...

Михаил усмехнулся – ишь ты! Красава – правнучка Ниней, а кто уж были родители этой девчонки – бог весть. Вообще-то Ниней в округе на семь дней пути в любой деревне любую девчонку себе забрать может! Она волхва! Она умереть не имеет права, пока смену себе не вырастит.

Ниней приняла гостей, сидя в высоком резном кресле. Статная, седовласая, со следами былой красоты, в темно-красном платье из толстой бархатной ткани, явно ромейской, затканной тяжелым золотом. Нет, не колдунья – графиня! Да что там графиня... Королева!

– Посмотрю, – выслушав просьбу сотника, милостиво кивнула волхва. – Старых богов попрошаю... Но! Вы мне тоже нужны. И ты... И Ермил наш...

Слово «наш» в отношении отрока младшей стражи сильно покорило Михаила. Впрочем, он всегда знал, что Ниней имеет виды на его людей, на тех, кто из веси. А потому давно разогнал их по разным отрядам, вместе не держал. А и нечего на ратной службе землячество разводить!

– Вашими глазами смотреть буду!

Ну... что ж... смотри... Может, чего и высмотришь!

– Да не пугайтесь – в душах ваших копаться не буду. Не о том речь идет. Да и силы уже не те...

Ох, насчет сил врала старуха! Ой, врала... лучше бы помалкивала – будто Миша не помнил, как в прошлый раз вышло. Едва к Велесу не попал! И как она отца Михаила... покойного... Правда, тот не поддался.

– Половцы – в своих богов верят. Тенгри – их главный бог! Велес-батюшка его чувствует... Идемте... Красава! Все потворы неси...

Потворы... Ну да, Красава же потворница, помощница Нинеи-волхвы. Вон, встала уже, как и положено, по правую руку. Сейчас священные предметы подавать будет. Всякое там варево в горшках, сушеных змей и прочее... А вообще-то у потворников и свое дело имеется. Есть чаровники – травоведы-гадатели, знающие травы, изготовители снадобий и обрядовых напитков... Как раз вот от слова – «чара». Есть обавники, читающие славения и приговоры, хранильщики – изготовители священной утвари, оружия и снаряжения, наузники – изготовители наузов, колдовских оберегов-узелков...

Вслед за волхвою все спустились вниз, во двор, и, пройдя на задворье, оказались в бане. Обычной, топившейся по-черному бане.

– Раздевайтесь... Ну, рубахи снимайте! И кресты...

Ага, вот оно что... кресты, значит... Ну, да ежели делу поможет...

Не то чтобы Михаил Ратников в ТОЙ своей жизни был полным агностиком... но и религиозным не был точно. А потому крестик, поколебавшись, снял. Положил осторожно на лавку, поверх рубах – нижней льняной сорочки и верхней – тонкого дорогого сукна с серебряным шитьем. Жарковато-то в зной в двух рубахах париться, однако ж ничего не поделать – имидж! Встречают-то по одежке, рубаха немецкой ткани да с серебряным шитьем – все равно как погоны офицерские! Уж по крайней мере – старший лейтенант.

Пока парни снимали рубахи, волхва и потворница уже приготовились, встали вокруг чана.

– Готовы уже? – Нинея скосила глаза. – Подойдите поближе...

– Велесе, Велес... Бо вещим хотением, превеликим увещанием... Велесом. Хорсом, Симарглом...

– Бо вещим хотением... увещанием... – эхом повторила Красава. Девчонка тоже разделась, оставшись в одной тонкой нижней рубашке, сквозь которую просвечивали ключицы и еще толком не оформившаяся грудь.

Глянув на девчонку, Ермил закусил губу... Миша хотел было ткнуть парня в бок – чтоб не пялился, да не успел... В глазах неожиданно потемнело, и по всей коже пробежали мурашки...

– Ну, мужики, будем!

Михаил с боцманом Петровичем сидели за столом в тесной каморке судового радиста, коих на всех судах традиционно называют «маркони». Сидели не просто так – праздник какой-то праздновали. То ли грамоту «За доблестный труд» обмывали, то ли переходящее красное знамя...

А, нет! Коля, радист, за прошедший день рождения проставлялся. Угощал вискарем. Миша – а уж тем более боцман, виски не очень любили – да и мало пробовали, – но пили. Дареному-то коню в зубы не смотрят!

– Николай! За твой день рождения!

– Мужики, в порту – с меня кабак.

– Само собой, Колюня... Что-то скучно сидим. Музыку какую-нибудь вруби.

– Хо! Петрович! Да не вопрос. Что слушать будешь? Знаю, «Дип Перпл» тяжеловато... «АББА», «Бони М», «Тич-Ин»? О! Демис Руссос!

Радист ткнул кнопку серебристого «Шарпа». Шикарный магнитофон! А уж стóбит – как треть «Жигулей»! Ну, четверть.

Негромко заиграла музыка... Та самая мелодия... «От сувенира к сувениру...»

– Мишаня-а! Господин сотник! Ну, просыпайся же! Велес бо мудрый... Очи-то открой! О, слава богам...

Старуха волхва проявилась сквозь морщинистое лицо Петровича. Вилка с насаженным на нее соленым огурчиком превратилась... в какой то серебристый жезл... науз...

– Ниня... Всеславна... Что скажешь-то?

С помощью Красавы сотник поднялся с пола. Ермил уже стоял у светильника, краснел ушами. Видать, тоже что-нибудь этакое привиделось...

– А то и скажу... Не половцы это! Вот не чует их Велес-отец. Не чует. А должен бы! Да и сама я никакого «степного духа» не вижу, не чувствую. Зато чувствую «крест»! Ай, Миша, это не старых богов люди сделали, сотворили! Ищите людей Креста. Других богов там и следа нет.

– Люди Креста...

– Не обязательно наши... Могут быть и немцы, и ляхи, и греки-ромей...

– Греки!

Черт! Ну конечно же... Ведь и Демис Руссос – тот, что «От сувенира к сувениру» – грек!

Глава 2

Михайлов городок – Туров. Лето 1127 г.

По возвращении с Нинеиной веси сотник заглянул в кузницу – к Тимофею, – поговорил насчет трехполья, да и про убийства не забыл. С внедрением нового способа хозяйствования Кузнечик был полностью согласен и обещал помочь. Хотя предупредил:

– Миша, трудно будет! Новое всегда дорогу пробивает непросто.

Нахмурился... и тут же улыбнулся, словно обычный мальчишка.

– А смотри-ка, господин сотник, что мы тут девам на приданое наковали!

Миша вдруг вспомнил все, о чем говорили с Тимкой, когда... когда узнали друг друга... о том, что оба – из другого мира, из будущего... О том, что наше сознание, дух, душа, всё, что мы чувствуем, помним или даже забыли, поддерживается одним хитроумным устройством, которое подарила нам природа – нейронной сетью, включающей в себя головной и спинной мозг, нервную систему. Некий очень тонкий и сложный механизм, которой должен действовать строго по одному принципу: одна личность, одна душа, один дух, поддерживающийся одной нейронной сетью. Иногда случаются расстройства такого порядка, что в одной сети появляются две независимые личности. Это очень тяжёлое состояние для человека, и называется оно шизофрения. Если для обычного человека вторая личность в нейронной сети – патология, то для «попаданцев» – Миши и Димки-Тимофея – нормальное состояние.

Самому Михайле и другим людям из будущего – боярину Журавлю и Даниле-мастеру (увы, с ними Мише так и не удалось пообщаться) – в этом отношении было значительно проще. Все были мужики взрослые, битые, тёртые, с громадным жизненным опытом и сформировавшейся памятью. И разум их был склонен подавлять всё, что ему мешает или угрожает. Личности носителя просто некуда было расти, и она вынуждена прорасти в личность подселенца, сливаясь с ней. А вот Тимка – совсем другое дело. Мозг всё ещё очень мягкий, очень гибкий, продолжает учиться.

Тимка вдруг отвлекся и внимательно взглянул в глаза сотнику. Угадал, почувствовал то, о чем сейчас думает. Улыбнулся, успокоил:

– Знаешь, меня же профессор, Максим Леонидович, предупреждал. Мол, ты можешь вести внутренний диалог. С самим собой. Если надо, можешь разговаривать с каким-нибудь предметом, с воздухом, с облаками, но никогда не должен разговаривать со своим носителем. Как только он обретёт речь, он станет независим. У вас может быть только один голос на двоих. Не твой, и не его. Общий, обоих. Не сможете – проклянете остаток жизни. Третье, ты не должен убивать его в себе. Если ты убьёшь душу носителя, ты умрешь. Потому что именно с его нейронной сетью связаны те рефлексy, которые обеспечивают твоё дыхание, сердцебиение, координацию и прочие занятные штуки, которые делают тебя живым. Подавить его ты тоже не можешь, поскольку, если он не захочет жить, вы оба умрете. Ты старший, он младший. Ему с тобой должно быть интересно. Никогда не отталкивай младшего. Именно так профессор и говорил. Именно такими словами.

Я запомнил. Не сомневайся, господин сотник. Ничего подобного со мной не случится. Шизофрении не будет. Никогда!

Вернувшись в Михайлов городок, Михайло прошел в «административный корпус» и сразу же велел старшему писцу Илье позвать сюда дежурную смену. Ту самую, что уже не так давно допрашивали – и вполне по-серьезному. Однако же делать нечего – нужно было заново все проверить, так сказать, в свете вновь открывшихся обстоятельств.

– Демьяна сюда первого, остальных – следом.

Дождаясь свидетелей, Миша опять припомнил теорию управления, не раз уже она его выручала, действовала даже применительно к этой, почти что былинной, эпохе.

«Ну, сэр Майкл... Как беседу построим?»

Обижать юных воинов недоверием не очень-то хотелось, и нужно было срочно придумать какую-то важную причину – с чего бы их снова опрашивать? Да вот так и сказать, честно – «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами»! Сослаться на ведуний, на ту же Юльку, на Нинею... На Нинею – даже лучше, она для многих, кто еще старых богов помнит – а таких тут большинство, – авторитет...

Да и власть свою сейчас надобно не очень сильно выказывать. А то – Кузнечик прав! – точно слухи пойдут – мол, не доверяет сотник даже своим, разве же это дело? Этак аккуратненько все уточнить, перепроверить... в дружеской беседе, да-да, вроде того.

Хмыкнув, молодой человек быстренько уселся на первый попавшийся стул – вовсе не во главе стола. Придвинул к себе кучку бумаг и свернувшихся берестяных грамот, вчерашних еще или даже позавчерашних – все по хозяйственным делам... «Сим докладую об устранении недостачи проса...» Просо! Недостача. Вопрос стратегический! Из чего младшей страже похлебку варить? Тем более в условиях приближающегося голода. Ладно! Хорошо хоть устранили. В Ратном раздобыли или где в деревнях? А ну-ка... Ах, в Василькове да с Нинеиной веси – кто остался уж! «На прокорм отроцев, что из веси тож». Что ж, хитро! Умно даже. Типа, попросили и вроде как для своих... А Нинея Всеславна до сих пор сих отроцев своими считает... Тех, кто в лихоманку выжил. Ну, пусть считает. Пока...

Так, а это что? «Об излишествах дичи». Ничего себе! Об излишествах... Некоторые, вон, просо по болотным весям выпрашивают, а иные – жируют? Дичи у них излишек. Так, а как такое быть-то может? Что, не единым коштом живем?

Сотник развернул грамотцу, вчитался...

Вообще, здорово, что есть береста – с подачи Тимофея хоть и поставили бумажную мельницу, да с бумагой пока что не очень – дороговато. Впрочем, развивать это дело надо! Кузнечик пошутил как-то – мол, скоро газету начнем выпускать... Ну, это дело будущего. Хотя... Газета – регулярная информация в том ключе, что выгоден власти – это ведь очень даже неплохо! Пусть пока и на бересте... Чтоб сплетен меньше, чтоб народ успокоить... Кстати, успокоить и сплетнями можно... но и газета – очень даже ничего!

Правда, береста – вещь специфическая. С одной стороны – дешевая, вообще ничего не стоит и везде есть. Надо чего написать – срезал с березы или даже сорвал. Если время есть – в кипятке вымочил, но, коли спешно, так можно и так. Для красоты и вящего благонравия можно края бересты аккуратно обрезать – опять же, если время есть. А нет – так можно и не обрезать. Еще плюсы – не нужно чернил (хотя, если они есть, то можно и использовать), достаточно только «писала» – железный стержень сантиметров пятнадцать-двадцать длиной, с одного конца заострен, с другого – лопаточкой. Все писцы такое на поясе носили, а кто поважней – к примеру, тот же Илья – так еще и в кожаном мешочке, бисером вышитым. Ну, кому что... Кому – меч, а кому, вот, писало. Хотя, надо сказать – писало иногда пострашнее меча будет! Особенно в умелых руках... Информация – это очень важно. Без нее – нет власти.

И впрямь газетой заняться? Поручить – Тимофею да Илье, недаром же тот старший писец! Начальник канцелярии младшей стражи.

Береста, конечно, хорошо, но есть и недостатки. Самый главный – долго не хранится, материал скоропортящийся – лишь иногда, в болоте, может и с полтысячи лет пролежать (в том же Новгороде), но как на воздух попадет – всё! Пиши – пропало. Да и писать приходится экономно, интервалов между словами не делая, и влезает-то всего строчки три-четыре. Для записок – даже для деловых, для черновиков – сойдет, а вот документы поважнее хорошо бы иметь на пергаменте, выделанной телячьей коже, что сто́ит – мама не горюй! Так что бумага,

сэр Майкл, – это будущее. В самом прямом смысле. Не зря ведь сказано – кто владеет информацией, тот правит миром.

– Илья! К вечеру девчонок вели созвать... Ну, тех, шустрых... Да, и квасу пусть кто-нибудь принесет, – Миша поднял стоявший на столе кувшин, поболтал в руке – пусто. – Только – обычного, не ставленого, не хмельного. Не хватало мне тут еще подростков поить.

– Сделаю, господин сотник! – из сеней донесся бодрый голос секретаря. И оттуда же топот сапог.

– Господин сотник, десятник Демьян по вашему приказанию...

– А, Демьян, дружище! – Михайла нынче был не строгий командир, а сама любезность. – Проходи, присаживайся... В ногах правды нет. Кваску испей вот.

– Благодарствую...

Кваску Демьян – тот еще бугай и себе на уме – испил охотно. Однако же не расслаблялся – глаза-то смотрели настороженно, холодно. И желваки, желваки ходили... видать, парень все-раз настроился десяток свой защищать, караул.

– Ищем мы, Демьян, пропавших дев...

Десятник сразу же подобрался, дернулся – ну, точно, ждал к своим часовым претензий. Так ведь это и хорошо, когда командир за своих людей – горой! Хуже, когда наоборот – так тоже случается.

– Понятно, – поставив расписанную под хохлому кружку на стол, протянул Демьян. – На столбе – мочало, начинай сначала. Мы же докладали уже.

– Ничего, – сотник чуть дернул нижней губой, однако справился, удержал гнев. От принятой линии поведения пока что отступить не надобно.

– Тут новости появились... Тебе скажу, но ты это... не особо...

– Да что же я, не понимаю?! – десятник явно обрадовался оказанному «высокому» доверию... чего и ожидал Михаил.

– Понимаю все, господин сотник. Да и мои не растрезвонят, нет!

– Так я и не думаю, что растрезвонят... Ты квас-то пей... В общем так, и Ниня с веси, и Юлия... и охотники некие... говорят одно – половцы наших девок не крали и не убивали никого.

– Так и я же о чем! – взвился было Демьян. Да тут же успокоился, сел – судя по всему, претензии его караульным не грозили.

– Уж неужто мои бы половцев не заметили?! Да и «лешаки» бы точно гонца послали. Боярин Медведь бы предупредил.

– Да, не половцы, сказал уже... – Миша и сам потянулся к квасу. – Людей твоих я и словом не упрекну. Пусть только корабельщиков наново вспомнят. Да все четко – какие ладьи проходили, в какое время, куда. Даже челны рыбацкие – и те... Да! Помню, они уже это говорили. Мол, все, как всегда. Теперь еще раз. Чтоб у меня вот здесь, – сотник постучал себя по виску, – все сложилось.

– Так сложится, господине! – вскочил на ноги Демьян. – Ужо, я их посеючас...

– Их Илья позовет. А ты, друже, посиди, послушай. Может, и добавишь чего.

Вот так вот! Чтоб знал, никто тут против тебя не «копает». Никаких тайн.

Первым вошел худощавый парнишка с растрепанной головою, длинный, как жердь. Все звали его Жердяй – и эту кличку Михаил уже слышал... ТАМ, дома... Где конкретно, пока что не припоминал.

– Лодейки-то? Да, были. При мне пять прошло. До полудня? Так все пять до полудня. Три – в Туров, и две – в Киев. Куда там еще плыть?

– Так в Царьград! – десятник не преминул показать свою «умность». Еще бы – про Царьград знает. Не хухры-мухры.

– А хоть и в Царьград – так все одно через Киев. Две ромейские ладьи – моносилы... – вот тут уж настал черед и простого унота – ратника младшей стражи. Жителя дальних болот.

– Ишь ты – моносилы, – прищурился Миша. – Что про них знаешь?

Жердяй повел худым плечом:

– Так это как наши однодревки, только покрасивше малость. Киль из одного ствола, борты-насады. Складная мачта. Дюжины две-три гребцов, они же – матросы. Ну, ежели потом через море... В Царьград ежели...

– Да ты не поясняй, мы и так понимаем, – осклабился десятник. – Чай, не дураки же перед тобой сидят.

– Да я...

– А что значит – «покрасивше»? – Михайла покусал губу.

– Ну-у... – Жердяй ненадолго задумался и вдруг улыбнулся, показав редкие желтые зубы. – Ну это... изукрашены всяко.

– Помнишь, как?

– Вот этого не скажу...

– Ладно. У других спросим. А в Туров какие прошли?

– Две киевские и одна – ромейская. Киевские поменьше, ромейская – большая. На сорок гребцов.

– Та-ак...

Миша сразу припомнил место, где остался след от ладьи... Если ромеи – или даже киевские торговые гости – причаливали к берегу... Могли девчонок украсть? А запросто! Все равно кто – киевляне, новгородцы, греки... Дело-то выгодное. Когда никто не видит. Ладно... а на убийство пошли бы? А почему бы и нет? Опять же, не просто так, а чтоб все шито-крыто.

Остальные караульные поведали то же самое. То же, что уже и без того было написано в постовых ведомостях, на бересте. Ничего необычного – дюжина ладей прошла в Туров и семь – из Турова. Из тех, что в Туров – пять ромейских, в обратную сторону ромейских – три. Остальные все – русские, но бог знает чьи. Киевляне, новгородцы, ладожане... Да мало ли?

– Ладно. В Турове справимся. А вот ты тоже сказал – «красны». Ну, красивые то бишь... – выпытывая подробности, сотник пристально взглянул на последнего (или лучше сказать – крайнего) из караульчиков. Взглянул... и, не то чтобы захохотал, но едва не расплылся в самой широкой улыбке. При одном взгляде на этого парня хотелось тут же запеть: «Рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой!»

Настолько уж парнишка был... Ну, прямо как солнышко! Круглое, густо усыпанное веснушками лицо, синие восторженно-смешливые глаза и буйная огненно-рыжая шевелюра.

«Рыжий, Рыжий, конопатый...» Звали его Вели-мудр. Уж совсем не в тему! Ну, конечно же, местные оглоеды живо сократили – Велька.

– Так красивые, оно понятно... И узорочье всякое, и на носу – фигуры, а позади – либо шатер, либо вообще – изба! Ну, небольшая такая...

– Каюта кормчего... Большая и не может быть – это же тебе не океанский корабль!

– Каю-та? – Велька изумленно сунул в рот указательный палец. И такой уморительный у него стал вид, что оба начальника – Миша и Демьян – не удержались-таки, громыхнули смехом.

– Да, каюта, – сотник смеялся до слез. – Чай, не радиорубка!

– Ну, насмешил, паря, – сквозь смех бросил Демьян. – Вот ведь, живут в лесу, молятся колесу...

«Про лес-то он правильно сказал, – подумал Миша. – Велимудр ведь из Нинеиной веси... последыш... как и Ермил. Так что и про колесо – почти что правда».

Рыжий на смех не обиделся – похоже, он вообще был не из обидчивых, – терпеливо ждал, пока все отсмеются.

– Ты про фигуры сказал? – Михайла, наконец, смог говорить. – Что за фигуры?

– Две – святые с крестами, в одеяниях долгих, один – конь, – важно уточнил подросток. – Букефал называется. Ну, был такой в древности царь Александр, так вот он...

– Да знаем мы про Македонского! А конь-то...

– Так там, на носу – и надпись. У кого – и сзади. А я по-гречески могу, меня отец Михаил покойный учил когда-то!

– Учил... – сотник задумался. – Постой. Как отец Михаил? Ты же с Ниениной веси?! Что, Ниня Всеславна так вот тебя спокойненько отпускала?

– Бабушка Ниня вообще меня не любила, – пожал плечами юный Велимудр. – Сказать по правде – терпеть не могла. Все охальником обзывала. Потому что веселый, и в разные страхи не верю. Она пыталась как-то – не вышло. Озлилась тогда, прогнала... Еще до того, как мор начался. И посейчас, как увидит – плюется.

«Ох, ничего себе! Слышали, сэр Майкл? Этот рыжий парнишка, похоже, утер нос веле-совой Ведунье! Ну, сам – вряд ли, слишком уж юн. Скорее – это все-таки гены. Насмешник, весельчак... Такому разве что греческие боги по нраву придутся... или даже римские... Стоп, Михаил Андреевич! Отставить. Парнишка же про отца Михаила сказал!»

– Да-да учил, – дернулись рыжие вихры. – Немного, правда. И недолго. Но книжки дал – Новый Завет, псалтырь. Так я и выучился.

– Молодец, – Михайла одобрительно хмыкнул. – Так ты, может, всех ладей названия вспомнишь?

– А я их, господин сотник, и не забывал. Просто вы раньше не спрашивали!

Уел! Уел, черт рыжий!

– Ну, говори, говори уже.

– Значит, так...

Велька принялся загибать пальцы... Жест, кстати, для здешних мест не очень-то характерный, скорее – у господина сотника и подсмотренный. Или у наставника Тимофея! Ишь ты... Что же это рыжий-то – издевается? Да нет, не похоже. Скорей, ему просто удобней так...

– Значит, вот... Сначала – в Туров. Первым прошел «Святитель Николай Мир-Ликийский», за ним – «Букефал», а потом – «Гиперборея». Здоровенная такая ладья! Две каюты – на носу и сзади.

– Проще сказать – на баке и на юте, – вспомнил свое морское прошлое Михаил Андреевич. – Обратнo?..

– Обратнo – «Святая София», – мальчишка наморщил нос. – Так себе лодейка, совсем маленькая, на дюжину гребцов. Такие обычно за медом да воском плавают. Не лодейка, а какой-то плот.

– Ишь ты – плот. А тебе сразу крейсер подавай!

– Кре...

– Не бери в голову... Лучше скажи, где зуб потерял?

Во время беседы парнишка пару раз улыбнулся... Лучше бы он этого не делал. Десятнику стало еще смешней, да и господин сотник еле сдерживался. Улыбка-то у рыжего оказалась та еще – щербатая! Одного зуба не хватало – почти что посередине. Верно, выбили, ага... За то, что насмехался...

– Зуб? А! Это Горька, сестрица моя... Не родная, седьмая вода на киселе. Но мы с ней дружили.

– О-ха-ха! Да я уж вижу... Дружили они! Зуб выбила! – колыхаясь от хохота, сполз со стула Демьян.

– Ну, она, верно, нечаянно... – усмехнулся сотник.

Рыжий тут же вскинулся, весело сверкая глазами:

– Ну да, нечаянно... Еще как отчаянно! Куда целилась – туда и угодила. У Горьки рука – верняк!

– О как! Почти родному братцу!
– Так я и говорю... – шмыгнул носом парнишка. – Я просто за ней следил... Ну, она на реку пошла, купаться. А я место приметил.
– Ага-а-а! Я даже догадываюсь – где!
– И одежду ее спрятал! Ну, чтобы развеселить, чтоб радостной стала... А то такая грустная вся...
– Х-ха! Вижу – развеселил... Чем это она тебя?
– Да бабкой. Ну, конская, для игры...
– Постой, постой... – допив кружку, Михайла задумчиво прищурился. – Горька, говоришь? Горислава? Блон... светленькая, та, что тоже пропала... на реке...
– Пропала, да... – внезапно насутился рыжий. – Но убитой ее не нашли. Значит, сбежит скоро. Обязательно сбежит.
– Сбежит?
– Вы не знаете Горьку, господин сотник, – парнишка явно пригорюнился, даже рыжие вихры поникли. – Самая близкая моя родня... хоть и седьмая вода. Если искать куда поедете – меня возьмите! А, господин сотник?

Миша лишь плечами пожал:

– Может быть, и возьму.

«Не ясно было пока, куда ехать. Впрочем, почему же не ясно? В Туров! Там все концы, там – город, торговля, купцы... О как – почти рифма сложилась! Да вы просто поэт, сэр Майкл! Значит, в Туров... Но вовсе не прямо сейчас. Есть еще одно дельце».

К вечеру секретарь – старший писец – Илья, как и было приказано, созвал «шустрых дев» – записных малолетних сплетниц. Впрочем, малолетними они были только по меркам Михаила Андреевича, в ЭТУ же эпоху тринадцати-пятнадцатилетние девушки считались вполне себе взрослыми. Что и говорить – невесты уже, а кто и замужем. После пятнадцати-шестнадцати лет вообще сложно было с замужеством. Никто не брал – старая.

Парочка из таких бойких – «шустрых» – девиц-блондинок исчезла вместе с остальными пропавшими, остались лишь три подружки-хохотушки – Ладислава, Добромира, Любава, они же – Евдокия, Ирина и Ксения. Ну, это если по-христиански, здесь, в глуши, еще сильны были старые верования и те, кто их яростно исполнял – та же Нинея Всеславна. Правда, «шустрые» подружки старых богов не любили – сташные все, корявые, еще и жертвы им приносить нужно, задабривать. Куда уж лучше добрый и всепрощающий Иисус Христос! Тем более на иконах да на распятии он такой красивый!

Сами ли хохотушки до такого богоискательства мыслями дошли, или помог покойный отец Михаил, кто его знает? Может, и то повлияло, что в Ратном открытых язычников не особенно жаловали, хотя почти никто от старых богов не отказывался. Даже не столько богов, а всякую языческую нечисть признавали, никак с христианством не связанную. Всяких там домовых, русалок, банников, леших... Такое вот двоеверие на Руси-матушке все века и держалось!

Выбрав в качестве «информационного оружия» молодых незамужних дев, Миша преследовал несколько целей. Во-первых, на них было легче влиять. Господина сотника они просто боготворили, всегда – ну, почти всегда – слушали с благоговением и все поручения исполняли в точности... или уж как могли, но со всем старанием.

Во-вторых, они и сами имели куда большее влияние на молодежь, нежели, скажем, жена старосты и прочий пожилой «женсовет»! А молодежь – это будущее, кто же от будущего откажется?

Ну и в-третьих, Михайле просто приятнее было с молодыми общаться... Хотя Юлька, узнав, зубами скрипела. Ну, так она на всех девок скрипела, которые вокруг ненаглядного Миши «вились».

Эти вот, хохотушки девчонки – хоть куда – симпатичные! Евдокия-Ладислава – статная, черноглазая, чернобровая, сильная. Врежет кулаком промеж глаз – мало не покажется! Некоторые из младшей стражи – тому свидетели... пробовали... получали...

Добромира-Ирина же – наоборот, маленькая такая худышка, выглядевшая куда младше своих пятнадцати лет. У нее даже и грудь еще не выросла, не оформилась – волосы темно-русые остричь – вылитый мальчик.

А вот Любава-Ксения – пухленькая, остроглазая. Ну, такой живчик – ни секунды спокойно не посидит, этакая Трындычиха!

«Шустрых» дев сотник, как и всегда, встретил приветливо. Усадил за стол, велел принести сбитню да пирогов с рыбой. Пироги, правда, из гречишной мучки, пшеничной-то уж почти и не осталось. Девы и такому были рады... а пуще того радовались, конечно, не пирогам, а отношению.

Все правильно: исполнитель, действующий почти что самостоятельно, и уж тем более – творчески, должен чувствовать всю свою значимость... и об ответственности не забывать.

– А, девицы-красны, вы пироги-то кушайте, не стесняйтесь!

– Да мы кушаем, господин сотник.

Согласно теории управления, исполнителям всегда нужно давать задание в соответствии с их возможностями, по силам. Ничего такого тайного Михаил «шустрым» не поручал, однако же тайной являлись сами подобные встречи. Хотя в Ратном все знали – девки в Михайлов городок ходят дорожки ткать да кудель прясти. Ну, правильно, кто же этим всем заниматься будет, не ратники же?

На самом же деле... Нет, и ткали, и пряли тоже, но не это было главным. Разговоры! Беседа. Указания!

Михайло про девок все понимал и вовсе не ожидал от них сохранения полной секретности. Требовал лишь не ссылаться на него, а на кого ссылаться – всегда указывал. Этак вот ненавязчиво...

– Ох, девы, знаете ли, что мне вчера на пристани рыбаки сказывали? Про наших пропавших дев?

– И что же, господин сотник?

– Да вы пироги-то кушайте... А сказывали, будто бы стража-то наша стойкая да глазастая чужих в лесах не углядела. Так и не было ведь в лесу чужих. В лесу не было, а на реке – были.

Вот тут Михайла чистую правду сказал – что и сам знал, к какому пришел выводу.

– С реки супостаты явились. Быстро девок похватили – и на ладью. Найти теперь их нетрудно. Найдем... Вы это всем расскажите. И еще скажите – мол, не наобум дев похватили. Не просто так. Из наших есть помощатели. Пособники, ага. Мол, сам господин сотник их ищет и очень скоро найдет. Уже нашел почти.

Вот тут сотник пошел на хитрость. Специально, чтобы выявить сообщников, которые однозначно имелись. Где-то поблизости – в Ратном, на реке, в деревнях. Даже здесь, в Михайловом городке, может...

Сколько их – двое-трое, один – пока что не ясно. Ясно, что сообщник – или сообщники – есть, иначе бы не прошло все так гладко. Злодеи четко знали все места, где девок «ловить» можно. Туда и явились. Сделали свое дело и – быстро – назад. На ладью – да, скорее всего, так оно и было.

И кто же эти иуды... или иуда? Как вычислить?

Пока девчонки вкушали пироги, Миша рассуждал про себя, думал... Вернее сказать, главное-то он продумал заранее, и вот теперь надо было это как-то подать, разжевать... чтоб исполнители поняли.

С точки зрения теории – сообщники делятся на несколько видов. Организатор – в нашем случае купцы-людокрады и их пока еще неведомый заказчик – он же и подстрекатель. Непосредственные исполнители – купеческая ватага, охрана... и даже, может быть, кто-то из местных пособников. Привел, показал... да свидетелей – ножом по горлу. А потом – еще и стрелой половецкой. И половецкие следы – сапоги степные. Чтоб на половцев и подумали.

А вот теперь пусть пособники знают – не вышло у них с половцами! Пусть испугаются, зашевелиятся, запаникуют – вдруг да чем-нибудь себя и выдадут? А чем выдадут? Да всем своим необычным поведением! Коли уж сам господин сотник за дело взялся, да еще колдуний-ведунный привлек – всё! Рано или поздно отыщут. И что остается? Бежать. А куда? А вот у девчонок и спросим.

– Да много куда есть убежать, – добив сбитень, глубокомысленно протянула худяшка Добромира. Мира, как ее в Ратном кликали. – Можно в Туров, в Пинск. А можно и куда подальше – в Чернигов, в Смоленск, в Полоцк, да на Волынь даже. В Киев тоже можно. Только вот, господин сотник, сам знаешь – кому нужен изгой? Бежать – это же все бросить! Ладно хозяйство – дело наживное, но весь свой род. А как одному выжить? Никак.

Михаил задумчиво покивал. Права девочка. Одиночке не выжить никак. И так долго еще будет, до отмены крепостного права как минимум. Да и то... Вон, Столыпин в начале двадцатого века какую реформу затеял, хотел самостоятельным мужика-крестьянина сделать – и что? Кто-то – да, большинство же – нет, не захотели. Кроме желания – и умения – самому отвечать за свою жизнь и жизнь своих близких, еще нужнее очень неплохой ресурс. А где его взять при господстве натурального хозяйства? Когда тут периодически целыми племенами голодают, целыми княжествами!

– Можно к ватаге какой прибиться, – подала голос пухленькая Любава. – К артельщикам или на севера, на волок, податься – там много таких, без роду, без племени.

Статная Ладислава усмехнулась:

– Ты еще скажи – к разбойникам или к половцам. Они-то, может, и примут... так это все нажитое бросать. Да семейство – родителей, жену, детей...

– Если они есть.

– Так у нас бобылей – раз-два и обчелся.

– В общем, так, девицы, – потер руки Михайла. – Ясно, про что говорить-то?

– Да уж ясно, господин сотник.

– Ну, и заодно приглядите... если кто вдруг чего... Ну, вы поняли.

О купцах можно было узнать только в Турове. Не так и далеко. Да ведь и было у кого узнавать-то! Через того же купца Никифора-торговца, родного дядюшку Миши. Через родича – боярича Семена. Да и знакомый кормщик-приказчик там есть, Ходок. Если, правда, тот еще жив. Ну да не слыхали покуда, чтоб помер.

Однако стоит ли действовать так вот, нахрапом? Так вот явиться – не пойми зачем. Не праздник нынче, не ярмарка – зачем в город-то? Покосы в разгаре, прополка, опять же – учеба ратная. А ярмарка еще только на Яблочный Спас.

Так, не таясь и сказать – мол, дев пропавших искать приехали? Чтоб потом весь Туров сплетни сводил? С Семки станется! Еще дойдет и до князя... А тот и скажет, что это за сотники в Ратном, у которых девок крадут столь нагло? Полохолы лесные, а не сотники. Зачем им и власть-то дана? Может, других сотниками поставить?

– Так и скажут, – Корней Агеич угрюмо подпер щеки руками. – Не сам князь, так бояре его.

Староста тут же поддакнул:

– Ага! Лучше уж как-то тайно искать...

– Слыхал, внучек? От то хорошо сказано – тайно!

Миша вскинулся было:

– Так здесь-то, в Ратном, никакая же это не тайна!

– То – Ратное, а то – Туров, – резонно возразил дед.

Они сидели втроем, в Ратном, в дедовой избе. Точнее сказать, в добротном бревенчатом доме, в застланной половиками горнице, с топившейся по-белому печью...

Наверху, в светлице, слышались женские голоса – собирались на двор, на поля, а кто и в лес – по ягоды. На работу! Михайла нынче явился рано – время было дорогое.

– До Турова-то покуда про наших пропавших девок вести дойдут? – отпив пива, вовсе не хмельного, густого и по цвету – янтарного, Корней Агеич наставительно рассуждал дальше. Усмехался в бороду – как же, всегда приятно поучить чему-то сотника-внучка.

– На Яблочный Спас разве что... Когда почти все – на ярмарку... Да и что узнают-то? То ли пропали девки, то ли заплутали в лесу, то ли в болотине утонули. Да и не девки то были, а детушки малые. Бабки-няньки не уследили, вот и... Ну. Пропали и пропали – девки, детушки – бог весть кто. Бывает, мало ли. Не такая уж и новость. Это, если слухи с ярмарки поползут. А вот, коли ты, Миша, да со людищи своими явишься... Да ишшо у князя помощи попросишь...

– Да не собираюсь я никого просить!

– Ну... или к Никифору заглянешь. С Семкой встретишься... Тут-то ты никого не поймашь! Никифор – купец. И купец богатый, удачливый. Потому и врагов у него – ого-го. Мыслю, не один согладатай к Никифору приставлен. И от врагов, и от друзей, и от завистников. И от князя даже.

– Так что же делать-то? А! – Михайла тут же сообразил, усмехнулся. – Так мы не девок искать поедом. А мед продавать. Твой, между прочим, мед. С пасеки.

– Ме-од? – покачал головой Корней Агеич. – Так ведь до ярмарки-то...

– Так что, у тебя нет меда-то? – Миша не отставал от деда.

– Да как нет-то? Есть. Немного, правда, но...

– А царьградская-то навигация совсем скоро заканчивается...

Староста Аристарх и Корней Агеич непонимающе переглянулись:

– Чего заканчивается?

– Ну это... плавание. Ладьи, те, что в Царьград – уже сейчас должны выйти.

– А, ты про это, – махнул рукой дед. Махнул и тут же одобрительно рассмеялся: – Ох, Мишаня, хитер! Стало быть – грекам мой мед повезешь?

– Именно так.

– Ну-у... Ты это, не продешеви там. Кого с собой взять думаешь?

– Да из своих, человек с дюжину. Лодка еще нужна. Хороший такой челн.

– Лодку я тебе, Миша, дам, – староста пригладил черную, с заметной проседью, бороду. –

Только ты ее смотри, не утопи там.

Михайла лишь отмахнулся и потянулся за кружкой. Допил, поднялся на ноги:

– Ну, ладно, пойду я. Вам-то в городе нужно что?

– Да потом, на ярмарке купим.

– Тогда к матери загляну, спрошу.

Матери, Анне Павловне, тоже ничего не было нужно...

– Братцу Никифору да племянникам поклон передай. От меня да от сестриц твоих, Анюты да Ельки. А так... Ну, разве что поволоку ромейскую да костяной гребень. Пуговиц

золоченых еще можно... но так, особо-то не ищи. Грекам вот-вот на Царьград – все дешево будет. Постой! Я тебе шкуроч беличьих дам. И куньих.

– Да что ты, мама!

– Сказала – бери. Что-то брату подаришь, на что-то – пуговицы да гребень... Удачи тебе, сынок! Да храни тебя Господь.

Обнявшись с матерью, молодой человек сбежал по крыльцу и, прыгнув в седло, погнал коня в городок. По пути завернул к Настене, к Юльке...

Спешился у плетня:

– Эй-гей! Есть дома кто?

Юлька выскочила сразу, подбежала к плетню, заулыбалась... Заглянула Мише в глаза... и вдруг как-то сразу осунулась, посмурнела:

– Ах, Михайла... чую – прощаться пришел.

Х-ха! Откуда и знает-то? Так ведь как откуда? Юлька не только лекарка, но и ведунья. Между прочим, не их самых последних.

– Ну, не так уж далеко и еду. В Туров. Да и ненадолго, – несколько смутился молодой человек.

Склонив голову, девчонка прищурилась, взглянула этак пристально, словно бы прямо в душу заглянула:

– Ой, Миша, Миша... Ты сам еще не ведаешь, насколько долог и труден путь твой.

– Так жизнь!

– Я не про жизнь. Я про дорогу. Ну... поцелуемся на прощанье!

– Говорю же, я не...

Не дали договорить сотнику. Ожег губы терпкий вкус поцелуя. Жаркого, долгого... Настолько долгого, что Мишу бросило в пот, и все тело словно задеревенело... Захотелось схватить эту красивую девчонку в охапку, утащить на сеновал... раздеть, ласкать, целовать, гладить все тело...

Похоже, то же самое ощутила и Юлька. Отошла, улыбнулась этак по-женски... верно, хотела что-то сказать, да мать, Настена, вышла на порог:

– А я слышу – кто это тут? Проходи в дом, Миша.

– С удовольствием бы, тетушка Настена. Однако – дела.

Взлетев в седло, сотник подогнал коня и скрылся за густыми кустами орешника. А Юлька все стояла, все смотрела ему вслед, кусала губы...

Настена подошла к дочери, ласково обняла за плечи:

– Эх, Гуня... Понимаю – трудно тебе. Однако думай! Выйдешь за него замуж – всю силу свою потеряешь. Помни – мы с тобой особые, простое людское счастье для нас недоступно.

Юлька ничего не ответила. Лишь по щеке ее скользнула слезинка...

Туровский купец Никифор гостей встретил приветливо. Особенно, когда узнал, что те ненадолго. Да и немного их и было, Михаил взял с собой дюжину ратников младшей стражи, в их числе – смуглоликого умника Ермила и рыжего Велимудра – Вельку. Тот сам напросился поискать «сестрицу» – сотник запомнил, взял. Раз уж сам проявил инициативу, значит, будет и толк.

– Поклон тебе дядюшка от матушки моей, твоей сестрицы, и от всех прочих. Все – подобру-поздорову. Как твои?

– И мой, слава Господу, – купец перекрестился на висевшую в углу икону ромейской работы, в золотом окладе, с горевшей зеленоватой лампадкою. Не у каждого князя подобные иконки имеются, небось, денег стоит немереных. Хвастал дядька, чего уж!

– Хороша иконка-то, – сдержанно похвалил гость.

Хозяин оценил вежливость, улыбнулся:

– Так, из самого Царьграда – Константинополиса!

– Вот я как раз про Царьград...

Не тратя лишнего времени на приветствия и поклоны, сотник сразу же перешел делу, хотя в те времена принято было не спешить. В деревнях и не спешили, а вот в городе... да еще у купцов... Никифор все же был деловым человеком, нехилый бизнес имел и время ценил – и свое, и чужое. Так что «торопливость» племянника здесь пришлась ко двору.

– Что торговые гости царьградские, еще к дому не подались?

– Да кое-кто есть еще... Но и те – вот-вот. Да садись, садись, Миша... Семен-то боярич нынче с княжьими людьми, на охотах.

– Ничего себе!

– А твоим-то я велел уже стол накрыть...

– Благодарствую, дядюшка.

Так уж было принято среди торговцев – важные дела обсуждать с глазу на глаз. Да и отроки младшей стражи богатому купцу не ровня, нечего их с собой за один стол усаживать! Чай, не родичи. Иное дело – Михайла. Судя по доходившим слухам – паренек-то входил в силу. Что и говорить – в таком-то сопливом возрасте – а уже сотник! Правда, умен не по годам – это Никифор еще в прошлый Мишин приезд заметил. И не забыл – сделал выводы. Ссориться с племянником не стоило, лучше помочь... но слишком уж близко не допускать и дела свои не показывать.

– Ну, Миша... за встречу!

Выпили стоялого медку, крепкого – но всего-то по чарочке. Закусили пирогами с визигой, ущицею налимьей и ущицею осетровой, и печеною белорыбницей, и киселем «белым», овсяным, и ягодным – «красным»... День-то был постный – пятница – мяса к столу не подавали. Правда, мед стоялый... Ну, тут уж сам хозяин расстарался. Остальные-то напитки и вовсе не хмельные были – разбавленная медовая водица – сыто – да сбить.

– Хорош у тебя медок! Вот и нам бы свой купцам ромейским продать. Мед хороший! С дедовой пасеки. И еще книгу бы найти... ромейскую... про то, как за землей ухаживать.

– Агрикультура называется. Хм... – Никифор ненадолго задумался, улыбнулся – в таком-то деле он помочь мог, вполне даже. Тем более особого труда это не составляло.

– Это тебе на заезжий двор старого Галактиона Грека надобно. Рядом с пристанью. Там и корчма, и купцы заморские живут, бывает по году. Сегодня-то поздновато уже – отдохните с дороги. А завтра с утра и... Я людям твоим в людской велел постелить.

Еще раз поблагодарив родственника, сотник отправился спать – и впрямь время уже было позднее, судя по всему – часов восемь-девять вечера. В те времена не полуночили, как за окном темнело – ложились, и вставали с первыми лучами солнца. Да и часы делились на «дневные» и «ночные», на «зимние» и «летние». Летний дневной час был куда длиннее зимнего, а ночной – короче.

Челнок с медом оставили на торговой пристани, у нижних мостков, приставив двух ратников на сторожу. Хотя смотритель рынка Антип обещался и сам приглядеть, да все же к своим-то доверия больше. Да и Антип – тип тот еще! Скользкий и себе на уме.

Антипа в городе знали и побаивались все купцы, не зря. Сему скользкому типу подчинялись все соглядатаи княжеских мытника и вирника. К тому же Антип вполне мог поймать на каком-нибудь грешке мелкого торговца да завербовать в агенты – запросто! Велит все примечать, обо всем докладывать: кто какой товар привез да почему, не укрыл ли чего от податей, не торгует ли чем запрещенным? А потом мытник или вирник со стражниками пожалуй да либо виру возьмут разорительную, либо вообще весь товар в княжью казну заберут. Антип же отнятый товар на торгу и распродаст. У него в амбаре много чего лежит, если какого товара на торгу не нашел, ступай к Антипу – у него запросто может оказаться. Правда – дорого.

Про Антипа Миша еще в прошлый свой приезд все понял: тайная налоговая полиция и торговля конфискатом, плюс разветвленная агентурная сеть.

Стоило ли доверять Антипу? Вопрос риторический. Миша и не доверял – себе дороже. Однако доверяй – не доверяй, а использовать в своих целях можно. Да даже и нужно. Все одно Антип уже наверняка знает, с каким товаром явились. Однако все же ухо нужно было держать остро – вдруг да и Антип в краже девок замешан? Очень даже может быть, дело-то выгодное, если на поток поставить – большими деньгами пахнет. Однако и опасно – поймают, казнят сразу же! Зачем Антипу лишний риск, когда он и так весь в шоколаде? Хотя... деньги лишними не бывают. Не сам, так в доле – прикрывает малость людокрадов и копеечку свою с того имеет. Если что – отопрется, скажет – знать не знал, ведать не ведал, обманули, мол, сиротинушку злые греки... Если это вообще греки, а не ляхи или какие-нибудь там киевляне, черниговцы...

Миша вытянулся на перине поверх лоскутного одеяла. Хороша у Никифора гостевая комната. Светлица – без печки, летнее такое жилье. Окно большое, в свинцовом переплете не какая-нибудь там слюда – а настоящее стекло! Ромейское или из Волжской Булгарии – там тоже делать умели.

На широком подоконнике стоял кувшин с квасом – вдруг да гостю ночью захочется попить. Дядюшка еще намекал на молодую челядинку на ночь, однако же Михаила отказался – устал да и – паче того – подумать надо было. Порассуждать.

* * *

«Ну, сэр Майкл? Что скажете? Каков ваш грандиозный план, да и вообще, что мы имеем? Имеем: можно считать, внедрение в Туров прошло успешно. Дедушкин мед очень даже помог. Все – кому надо – считают, что ратнищцы явились в город, чтобы поскорее и подороже продать мед греческим купцам... которые вот-вот покинут Туров. Там же – скорее всего, возможно – на каком-то из греческих судов – находятся пленницы. Как узнать: где?»

Ну, допустим, сэр Майкл, судно стоит в порту. Что там происходит? Кроме продаж, еще и обслуживание. Цистерны заполняются питьевой водой, плюс горючее, еще продукты... Продукты! Да и вода... Из реки или там, первого попавшегося водоема, воду пить никто не станет – чревато хворью! Воду надо обеззараживать – медом разбавлять или, там, вином. Ну и да – продукты. Сколько и чего на каждый конкретный корабль надобно? Если есть какие-то явные излишки... Еще бы узнать – где корабельщики эти продукты берут, у кого покупают? Антип – точно знает. Но стоит ли его расспрашивать? Опасно, да. Ну, а кроме Антипа – кто? Так старый знакомый – кормчий дядюшки Никифора Ходок, он же – Авраамий. Если жив еще... И если не...»

* * *

С Авраамием-Ходоком не вышло – с утра выяснилось, что дядюшка еще пару недель назад отправил его с ладьей в Новгород по торговым делам. Так что нужно было искать кого-то другого. Кого?

Всех своих парней сотник собрал на мостках, на пристани, у своего челна. Со стороны ничего необычного не происходило – торговцы решали какие-то свои вопросы – мало ли? Михаила говорил вполголоса, быстро и четко:

– Итак, наша цель – узнать, сколько еды и питья заказали на каждую большую ладью. Не так-то тут их и много. Денег я вам дам – посидите, походите, поговорите с людьми... Ваш интерес – тоже хотите заказать, ищите, где получше и подешевле. Тут подозрений не будет. Далее...

Чуть помолчав, сотник оглянулся по сторонам и понизил голос:

– Этак невзначай, в беседе, можете сказать, что, мол, слышали, будто бы где-то пропали девушки... Не, не у нас, упаси боже! Скажем, недалеко, где-нибудь на Язде-реке, на Струмени... Блондинки пропали... ну, светленькие... Вы сами-то про это не знаете, просто так спросили – интересно ведь про девчонок. Неужто и вправду крадут? Ясно всё?

– Ясно, господин сотник!

– Тсс! Да не орите вы так! – Михайла погрозил кулаком. – И не сотник я для вас, а купец, а вы все – мои приказчики. Говорил же ведь уже! Забыли?

– Помним, госпо... господине! – вытянулся десятник Премысл, здоровенный такой парняга. И с умом. Так тоже случается, что у бугайнушки еще и острый ум. Таких вот Миша в поездку эту и подбирал – смышленных, умных.

– Так... Ждан и Дарен – на рыбацкий вымол... Чего ждете? Вперед!.. Премысл с Велебудом, Злато-мир с Вячко – на торговую площадь... Шаго-ом... арш! Да не ходите вы так – шучу я! Как обычные люди, идите...

Уходя, парни оглянулись, улыбки спрятали – показывая полное понимание всей серьезности порученного им дела. Сотник оглядел оставшихся:

– Архип и Трофим – остаетесь здесь, сторожить лодку. Ну и на мостках пошатайтесь... тут мальчишки... отроки местные рыбку любят ловить... Ага... Я – в корчму, в заезжий дом Галактиона Грека...

– А мы, господине? – тряхнув рыжими вихрами, обиженно спросил Велимудр. Смуглый Ермил тоже поглядывал с укоризной. Мол, про самых младшеньких – и забыли.

Михаил усмехнулся:

– Вы-то? У Восточных ворот еще одна корчма есть. Туда и пойдете...

Парни обрадованно переглянулись. Миша тут же построжил отроков, погрозил пальцем:

– Значит так! Газеты не читать, байки не травить!

– Что, что, господине?

– Говорю – больше слушайте. Да зря казенные деньги не тратьте.

– Было бы что тратить-то, господине!

Ну, а что? Три резаны да четыре векшицы на двоих – обрезки серебряных арабских дирхемов – особо не пошикуешь. Были бы просто дирхемы – куны, да еще поновей, покрупнее – «хорошие», «добрые» дирхемы – «нагд» – «ногаты», – можно было чего и побольше купить...

Да что им там покупать-то? Уж точно не березовицу пьяную, не ромейское дорогое вино! На сбитень с пирогами хватит. Ну, на квас хмельной – буде понадобится новых знакомцев поить.

Распределив всех, Михаил еще постоял немного на пристани, полюбовался идущими по реке ладьями да пошел себе по мощенной дубовыми плашками улице. Улица называлась Торговая, шла мимо большого и красивого каменного храма – собора Петра и Павла, пронизывала торговые ряды и заканчивалась у ворот княжеской крепости – детинца. Тут все было по-серьезному – глубокие рвы, валы земляные, укрепления из толстых дубовых бревен – стены, и башни. Крепкие ворота, подъемный мост – попробуй, возьми!

Прилегающие к детинцу улицы с домами и храмами – Окольный город – тоже были окружены стеною. Однако же Туров разрастался – имелось уже и поселение за стеною – посад, ничем, увы, не защищенный, разве что словом да авторитетом туровского князя Вячеслава Владимировича, сына Владимира Мономаха и англосаксонской принцессы Гиты, лишенной своего королевства знаменитым нормандским герцогом Вильгельмом.

Заезжий дом Галактиона Грека – местный «Гранд-отель» – располагался на прилегающей к Торговой улочке с платанами и рябиной. Небольшая такая улочка, зеленая, симпатичная... однако же – шумная! То возы какие-то, то прохожие, всадники... Все промеж собой ругаются,

всем вперед проехать надо! Одно слово – постоялый двор. Вон он, свои призывно ворота распахнул! Обширный двор, пристройки – конюшня, сараи какие-то...

Сложенная из толстых бревен «гостиница» произвела на Михаила весьма благоприятное впечатление – два этажа, серебристая крыша из осиновой дранки прямо сверкала на солнце, больно глазам. Видать, совсем недавно перестилали, заботились о гостях – чтоб не капало сверху в дождь.

На первом этаже, как водится, располагалась корчма. Длинные столы, лавки, горевший в глубине «зала» очаг, на стенах – подставки для тарелок, полочки с кувшинами, пучки пахучих трав, на дощатом полу – свежее сено.

Какой-то юркий человек в длинной ромейской рубахе выскочил, едва завидев вошедшего:

– Милости просим, милости просим! Откушать желаете? Или просто отдохнуть зашли?

Нет, не сам хозяин. Приказчик... Волосы прилизаны, бороденка редкая, весь из себя, аж лучится приветливостью!

Ишь ты... откушать! Ну да, тут же не просто корчма, где в основном выпивка да закуска, тут же – заезжий дом – «гостиница», «Гранд-отель». Тут не только выпить, тут и откушать можно... И скоморохов послушать, коли к ночи ближе зайдешь... Да и гулящие девки... не без этого, да.

– Пока отдохну.

– Березовица? Ромейское вино? Стоялый мед? – изогнулся в угодливом поклоне халдей. – Пиво? Квас? Сикера? Олус?

– Олус, пожалуй. И это, к нему бы...

– Орехи грецкие, ревень в меду, сыр...

– Орехи...

Есть пока не хотелось, а вот посидеть, посмотреть... Хотя, а что зря сидеть-то?

– Вот что, любезный. Я бы хотел заказать для ладьи припасы. Это можно сделать?

– Ну, а почему бы и нет? – вполне серьезно отозвался приказчик. – Вон, по лесенке подниметесь, там слева... увидите – седоватый такой старичок. Христофор Кузьмич, старший приказчик. Он все и расскажет. А я пока олус принесу.

Михаил так и сделал, поднялся на второй этаж: в углу, слева от лестницы, за столом сидел тот самый седоватый дед – старший приказчик. Стучал четками-счетами да записывал на распаренной бересте буквы с пририсованными сверху черточками – титулом. Что уже означало не буквы, а цифры.

Заметив посетителя, старик поднял голову:

– Вам чего, господине?

– Христофор Кузьмич?

– Ну я...

– Мне бы про лодейные припасы узнать.

– Добро, – старший приказчик кивнул и тут же перешел к делу, предварительно уточнив размер ладьи, количество экипажа и предполагаемую продолжительность плавания.

– Значит, в Царьград, с греками, собрались... Побystрее бы надо – скоро все уйдут. Останутся только те, что до Киева.

– Так что с припасами? Я, видите ли, в первый раз... Сколько чего надо-то?

– Говорите, два десятка человек? С полсорока... так... На сорок и полсорока ден... Вам надо бы солонины... две дюжины бочек, да еще три дюжины бочонков вина, да мучицы... мучицу вам лучше в Киеве, там дешевле. Сами знаете, у нас нынче неурожай может быть.

Своим деловым подходом Христофор Кузьмич прямо-таки восхитил Михаила, несмотря на все эти старообразные «полсорока». Ну да, так тогда и считали – «по сорок». Но этот же...

Старший приказчик охотно ответил и на вопросы про остальных корабельщиков.

– Да, да, они тоже почти все у нас заказывали.

Ага, вот оно что! Грек Галактион не только постоянный двор содержал, но еще поставками занимался.

– Почти все?

– Ну да. И «Святая София», и «Святой Николай», и «Буцефал» тоже.

– А «Гиперборея»? – весьма к месту вспомнил молодой человек.

Приказчик кивнул:

– И «Гиперборея» – тоже. Однако не только у нас, – старик задумчиво почмокал губами. – До сих пор не пойму, зачем им так много? У нас на полторы дюжины человек перебрали, да еще и пошли к Антипу... Но к нему не советую, очень уж дорого берет.

Ну, вот оно! Стараясь не спугнуть удачу, Михайла покусал губу. Вот оно... Значит – «Гиперборея»? Ну, пока что – только предположения...

– Ну а вот интересно – куда им столько? Зачем?

– Исидор-грек, с «Гипербореи» кормчий, говорил, будто бы рабов хотят купить в Киеве. Управиться побыстрее, сразу и дальше плыть – так что искать припасу некогда. Удобнее здесь взять. Ну, раз им так удобнее... Однажды... – Христофор Кузьмич почесал бороду. – Однажды, может, и прав кормчий. Гости торговые всегда ватагой плывут, караваном. В Киеве еще и боевую ладью нанимают... Ну да – ротозейничать некогда.

От всей души поблагодарив старшего приказчика, сотник спустился в корчму, где ему как раз принесли орехи и олус – густое пиво на пахучих травах, терпкое и горьковатое. Как раз под орехи.

В одиночестве долго сидеть не пришлось – ближе к полудню народишка в корчме заметно прибавилось, заходили и артельщики – плотники, каменщики, землекопы – и торговые гости – купцы. Невдалеке – через стол – уселась честная компания корабельщиков, судя по «цока-ню» – новгородцев.

– Ну, что, робята, выпьем?

– А ужо!

Совсем рядом, за стол присели еще трое чернявых, скорее всего – греков. Заказали разбавленного ключевой – «живой» – водою вина и еще из еды что-то. В ожидании заказа что-то негромко обсуждали, смеялись. Все одеты добротно – туники длинные из темно-голубой и синей с отливом ткани, с позолотой, с серебряной и шелковой вышивкой. Судя по одежке – не из простых матросов товарищи! О чем говорили – а черт его знает. Не по-русски же!

А в общем-то люди оказались интеллигентные, вежливые – заметив скупающего рядом сотника, пригласили в свою компанию. Славянскую речь все знали неплохо.

Выпили, познакомились...

Каллист, Феоктист, Георгий...

Михайло имена запомнил – авось, пригодится. Один – купец, двое – кормчие. Люди уважаемые, с разных судов, но еще в Константинополе все тоже другу друга знали. Вот и сейчас вспоминали дом... то и дело сбивались – обсуждали цены. Это уже – на понятном славянском диалекте, чтоб и новый знакомец мог принять в беседе участие. Элементарная вежливость – признак цивилизации и культуры. Именно так и выразился Феоктист-кормчий, поднимая очередной бокал. Да-да, пили из бокалов толстого синего и коричневатого-желтого стекла. Цвет зависел от места производства, от примесей в песке – в Киеве синие делали, а, скажем, в Новгороде – желтые. Или наоборот.

Сотник тоже перешел на вино, заказал, как принято было, разбавленного – две третьих воды на треть вина – вполне интеллигентно. Половина наполовину разводили только горькие пьяницы, а уж совсем неразбавленное пили вконец опустившиеся люди. Типа вот северных варваров, всяких там варангов.

– А вы что здесь делаете, Михаил, если не секрет?... Ах, продаете мед? Так мы у вас купим.

Вот так и деду угодил – за лодку меда заморский гость давал вполне приличную цену. Правда, с уговором – на вкус попробовать лично.

– Да хоть сейчас пробуйте! – радушно предложил молодой человек.

– Ну-у... сперва отобедаем, а уж потом...

И вновь о ценах заговорили. Тут Миша улучил момент, как бы между прочим, справился о ценах на рабынь, мало ли, кто-то и проговорится.

– Рабыни? – Каллист – сухопарый мужчина лет сорока – пригладил черную фасонистую бородку. – Ну, это смотря какие... и смотря в какое время. Если война какая и пленниц много...

– Ну, это понятно, – махнул рукой Миша. – Закон предложения и спроса. Если спрос выше предложения – цена на товар растет, если наоборот – падает.

– Я вижу, вы – бывалый купец, – торговый гость одобрительно покивал и потянулся к кувшину. – Все так и есть. Как вы сказали – закон предложения и спроса? Хм... верно, об этом еще кто-то из древних римлян писал. Так вот о ценах... В среднем за молодую красивую рабыню дают десять золотых монет – солидов. Но! – купец поднял вверх указательный палец. – Если девица умеет танцевать да еще и петь – цена может увеличиться и до сорока.

– А если какой-нибудь богатый и знатный человек...

– Под заказ? – Каллист вмиг ухватил суть. – Ну, тогда и вся сотня!

Михаил замолк, припомнив основную суть капитализма, о которой писал еще Карл Маркс. Или Ленин? Нет, все-таки – Маркс. А может, и... Впрочем, не важно – кто, важно что. Типа, за сто процентов прибыли капиталист продаст душу дьяволу, а за триста – нет такого преступления, на которое бы он не пошел! За триста... всего-то. А тут-то куда как больше! С другой стороны, зачем красть? Можно вполне официально купить за десять, продать за сто... Тоже прибыль не маленькая.

Так-то оно так... Только вот если другие купцы узнают, что кто-то скупает блондинок? Что с ценами? Так и до сотни догонят! Ну, почти... Да еще пойдешь найди этих блондинок-то. Кто же в самую страду рабочую силу продаст? Даже тех же холопок. Не-ет, разве что по осени... да и то – не всех. В общем, легче украсть. И хорошо бы это сделать тому, кто потом в тот же Туров и вовсе не собирается.

– Вы что так нахмурились, уважаемый Михаил? Вино кислое?

– Да нет, вино нормальное. Просто... книгу одну вспоминаю. Хотел бы купить...

– О, это вам надо к Антипу. Есть тут такой...

– Не, за книгами к Антипу – вряд ли... В Константинополе заказывать надо. Вы, Михаил, можете мне заказать – я привезу. Нет, так сделаю список. Но – дорого, не буду скрывать.

– А может, просто почитать? – с надеждой спросил Миша.

– Почитать – в библиотеке, – Каллист улыбнулся. – А где тут у вас ближайшая? Разве что у князя.

– Еще у боярина Аникея может быть, – припомнил кто-то из кормчих. – Да мало ли у кого из книжников.

– У отца Филофея...

– Ну да – у него.

– Вы, Михаил, у местных спросите. Что за книга-то?

– Да по трехполью, – сотник и не знал уже, как еще сказать. – Как землю лучше обрабатывать...

– А! Агрикультура! – поставив бокал на стол, рассмеялся торговец. – Вам Колумелла нужен, Катон Старший или Марк Теренций Варрон.

– Так много? – совсем по-детски изумился Миша.

– Что-нибудь у кого-нибудь да найдете. Правда, скорее всего, они на латыни все.

– Ничего. Монахи переведут. Они ведь латынь знают.

Сразу после обеда сотник и царьградский торговый гость Каллист Схолиес отправились на дальнюю пристань – пробовать мед. Еще не успели дойти, как Михаила догнал Ермил. Мальчишка явно был чем-то взволнован – растрепанный, с покрасневшими щеками и яростным взором...

– Господине! Там Велька... там...

– Помолчи! – строго махнув рукой, Михаила повернулся к своему спутнику.

– Я переговорю со своим слугой, господин Каллист?

– Да ради бога!

Купец отошел в сторону, любуясь стоявшими у пристани ладьями. Какие-то из них грузились, какие-то отчаливали, отходили...

– Что случилось. Ермил? Доложить четко и быстро.

Отрока словно встряхнули, он еще больше покраснел, устыдившись собственного растрепанного вида, собрался, вытянулся...

– Слушаюсь, господин сотник!

– Не так громко.

– Понимаю... Ага... Так вот. Осмелюсь доложить: моего напарника Велимудра только что увели в узилище!

– Как в узилище? Кто увел?

– Я полагаю – в княжескую темницу. Княжьи же люди во главе... во главе с Артемием, сыном Луки Ставрогина, рядовичем...

– Ха! Всего-то – рядович?

Рядович – человек зависимый, почти что крепостной. Подписывает со своим господином ряд – грамоту, так сказать – личный договор на какое-то время. А в этом договоре все что угодно могло быть прописано! Скажем, ненормированный рабочий день – работать без выходных и праздников, а об отпуске и не заикаться даже. А что? Кодекса законов о труде здесь нет, о трудовой инспекции и профсоюзах тоже никто не слышал.

– Рядович-то рядович, да очень непростой, – Ермил уже вызнал немало. – Главный княжеский дознаватель!

– Однако... – Миша даже не знал, что и сказать. Похоже, рыжий натворил-таки дел...

– Нет, – набылся отрок. – Мы с ним ничего такого не сделали. Просто с людьми говорили.

– Ладно, обожди чуток. Сейчас торговый вопрос решу... Архип, Трофим! Быстренько покажите вот этому господину мед. Пусть пробует, вопросы доставки решает... А мы поговорим пока...

Сотник вновь повернулся к Ермилу:

– Ну, рассказывай по порядку, как там у вас дело было?

По словам подростка, поначалу все шло неплохо, без всяких эксцессов. Народ в дальней корчме собрался простой и незлобивый. Пили, били друг другу морды, проигрывались догола в кости, с девками гулящими непотребствовали – все, как обычно. Юные соглядатаи тоже время даром не теряли – этак ненавязчиво, исподволь, затевали разговоры о пропавших девушках...

– Ох, господин сотник! Они и здесь, в Турове, пропадали! По масти точно такие же – светленькие. Нам об этом гулящие сказали – у них там тоже две подружки пропали... Потом вышли на улицу. Вдруг вижу – вокруг нас какие-то люди... Мы из корчмы – они за нами, мы повернем, и они повернут... Вот мы обратно в корчму и вернулись – там народу-то поболее, там и уйдем... или спрячемся... Думали, гулящие помогут, выручат – мы же подружились вроде...

– Не помогли! – резюмировал Михаил. – В общем-то вы правильно действовали. Однако на будущее запомни: все гулящие девки обязательно работают на полицию!

– Н-на кого?

– В нашем случае – на княжескую власть. Что ж, если так – пойдем к князю. Надеюсь, он меня не забыл еще... И супруга его... и дочка... Господин Каллист! Ну, как вам мед? Все берете! Ну, вот и славно. Я скажу своим – доставят прямо к вашей ладье. Да вы можете и сами с ними... Ага! И вам всего доброго!

Помахав только что отчалившей лодке, сотник и юный ратник Ермил отправились в детинец, в хоромы князя Вячеслава Владимировича. Однако на узеньком мосту их ждала очередь. Видать, у многих имелись какие-то дела с князем... Ну, так и суд-то ведь – княжеский! Да и на нарушение прав человека и гражданина кому жалобу писать? Опять же – князю.

Пока коротали время, Ермил рассказал подробности...

– Ну вот, вошли мы... Эти – за нами. Мы – в толпу. Там бои петушиные... Были. Но кончились слишком уж рано. Тогда Велька и говорит: беги, говорит, к сотнику, доложи все. А я их пока отвлеку... И сразу на стол вскочил, да как заорет песню. Ну, нашу, строевую...

Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили...
И враг бежит, бежит, бежит!
Так за царя, за Родину, за веру
Мы грянем грозное ура! Ура! Ура!
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильней!

– Это вот он так и пел? – несколько изумился Миша.

Ермил сдул упавшую на глаза челку:

– Да нет. Еще и допевал:

А может быть, в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр вам подавал мантию!

– Тьфу ты!

Что и говорить, с легкой руки Михаила в младшей страже были приняты строевые песни времен гражданской войны – это да. Но ведь не Вертинский же! Хотя «Негра» Миша напевал бывало... Как иногда и Тимка – что-то из Цоя и «Арии». Вот и результат – запомнили.

Очередь на мосту продвигалась быстро. Кого-то стражники пропускали в детинец, а кто-то и вообще ушел, узнав о том, что князя в хоромаш нет – еще с утра отправился на соколиную охоту, оставив за себя ближнего боярина Аникея Федоровича.

Тот, как видно, был бюрократом честным – принимал всех, правда вот многим был нужен лично княже...

Настал черед и Михайлы. Ермила он прихватил с собой – негоже господину сотнику без слуги, да и вообще, не оставлять же парня на улице – а вдруг какие подробности боярин узнать захочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.